

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ГРОБНИЦА ВЕРВОЛЬФА

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Гробница вервольфа
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»
Серия «Марго-София», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951508
Соболева, Лариса. Гробница вервольфа : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087818-5

Аннотация

Жена бизнесмена София от скуки работает в книжном магазине. Однажды на одного из покупателей нападает парень, похожий на бандита. Недолго думая, София вступается за интеллигентного посетителя, и тому удается сбежать. К ее ужасу, «бандит» оказался сотрудником угрозыска, а беспомощный дядечка – маньяком Людоедом, которого давно ищет милиция. Горе-спасительницу делают «живцом», приставив к ней группу слежения. Людоед периодически показывается Софии на глаза и исчезает, звонит по телефону и даже, побывав в ее квартире, оставляет записку с... объяснением в любви. Одним словом, маньяк все ближе и ближе подбирается к Софии, оставляя за собой новые жертвы...

Ранее книга издавалась под названием «Принцесса-чудовище»

Содержание

1	6
2	24
3	43
4	64
5	88
6	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Лариса Соболева

Гробница вервольфа

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Услышав суетливое шарканье и громкое дыхание, София подняла голову, откинув руками длинные волосы. Челка мешала, она убрала ее со лба, но обзор загораживали стеллажи посередине, которые привезли позавчера. Поставить поставили, а не прикрепили к полу, решив сделать это в выходной. А потом загрузили книгами, мол, сойдет и так, все равно никому не под силу их сдвинуть, да и незачем. Хрупкую фигурку Софии среди цветных корешков да еще на стуле в углу трудно было заметить, и она встала, чтобы показаться покупателю, которому, возможно, понадобится помощь. Письма, которые София читала, посыпались на пол, она быстро их собрала и уложила на стул, затем выглянула из-за стеллажа.

Молодой сухощавый мужчина в очках, в приличном костюме странно прижался спиной к полкам у стены и панически озирался, словно загнанный в угол зверек. Увидел Софию. Она хотела спросить, чем ему помочь, как кто-то вбежал в отдел. Это был парень – весь красный, потный, большой, с коротко стриженными черными волосами. И вдруг...

София вытаращила глаза: парень налетел на мужчину, придавил его всем телом. Как вообще не задавил интеллигента? Даже при тусклом искусственном освещении – здание старое, окна в книжном лабиринте не везде есть – Софии были видны струйки пота, катившиеся по вискам обоих. Все

понятно: один убежал, второй догнал. Очкарик то ли стонал, то ли кричал – еще бы, такая туша придавила его! А парень из-за пояса вынул... пистолет и приставил его к лицу очкарика, уперев дуло в щеку.

– Попался, сволочь! – прошипел он возбужденно и даже хохотнул.

Ну точно – бандит, браток, по роже видно. И сейчас пристрелит прямо здесь очкарика.

Кто толкнул Софию? Если бы она тогда подумала... Но она ни о чем не думала, когда схватила с полки фолиант весом килограмма четыре и на цыпочках подкрадывалась к бандиту.

– Все, гад, спета твоя песенка! – торжествовал тот. – Не дергаться! Пристрелю, козел, рука не дрогнет! – И пистолетом давил в щеку жертве.

Да кто там дергался! Бедняга дышать не мог, посинел от нехватки воздуха.

София подкрадывалась к бандиту сзади... Очкарик смотрел на нее с мольбой и надеждой. Она приложила палец к губам. А бандитская морда замешкалась – ему было неудобно что-то достать левой рукой из заднего кармана джинсов. Этих секунд оказалось вполне достаточно, чтобы София замахнулась и со всей силы огрела его по голове фолиантом. Краснорожий замер. Девушка ждала, когда тот упадет, а он все не падал. Очкарик мигом сообразил – есть способ спастись. И с ревом оттолкнул бандита. Да как! Нападавший

взмахнул руками и полетел назад вместе с пистолетом. Его тело врезалось в Софию, вдвоем они завалились на стеллажи. Незакрепленные полки начали падать, попали на второй стеллаж...

– А! – вскрикнула София, чувствуя, как валится вместе с книгами и вооруженным бандитом.

Раздался невероятный грохот – оба стеллажа рухнули. София и бандит очутились на стеллажах и в гряде книг. Больно ударившись о железные полки, она услышала топот ног – значит, бедняге удалось спастись. И даже мысли не мелькнуло: а ей-то чем грозит спасение совершенно незнакомого человека, когда рядом вооруженный браток? Самое ужасное – он так и не потерял сознание, как она надеялась (крепкая же у него голова!), а заерзал. Не успела София опомниться и позвать на помощь, бандит уже навис над ней, придавив своим весом. Просто лег на нее! Свирепая рожа. Свирепое дыхание. Скосила глаза – его рука с пистолетом увязла где-то в книжках. София снова уставилась на бандита со страхом. Ей показалось, он сейчас искушает ее, так как привстал на четвереньки. Руки были заняты, а девушка находилась между его руками и ногами, у него остались только зубы.

– Идиотка! – прорычал краснорожий зло, и София зажмурилась.

Он вскочил. Раздался топот. Убежал?! Не прибил ее?!

– Что здесь происходит? – Теперь это был голос начальницы.

«Ну, раз бандит не прибил, сейчас его оплошность исправит заведующая», – подумала София, пытаясь поднять-ся. Это оказалось сложно – книги расползались, она, как каракатица, ползала по ним и падала, ползала и...

После работы она не домой поехала, а к отцу. Тот слегка удивился, однако был рад, хотя внешне своих чувств никак не проявил. Папа вообще человек сдержанный и относится к тем мужчинам, которые с возрастом становятся лучше и лучше. В свои шестьдесят четыре он красив, как... как... Красив, и все.

София прошла в комнату, забралась на диван с ногами, натянула на колени юбку.

– Неважно выглядишь, – заметил папа и догадался: – У тебя неприятности.

– У кого их нет... – хмыкнула она. – Пап, есть хочу.

– Сейчас разогрею котлеты.

– Холодные неси, – махнула рукой она.

Большая квартира отца – антикварный склад, где много раритетных вещей, которые он собирал всю жизнь. Одновременно папа аккуратист, к тому же у него отличный вкус, поэтому эклектика интерьера выглядела оригинальностью. Но София была равнодушна к раритетам и семейным реликвиям. Не в папу уродилась.

Поедая холодные котлеты с хлебом, она поинтересовалась:

– Кто приготовил? Верхняя?

Красавца-отца обхаживают две соседки: одна – живущая выше этажом, а другая – ниже. Обе не нравятся Софии, но папе она об этом ни слова не говорила, потому что... На все есть причины. Такое ощущение (по ее мнению), что жизнь состоит из ошибок и их последствий, других причинно-следственных явлений просто не бывает. Какое же она имеет право высказывать отцу личное мнение, когда в свое время к его мнению не прислушалась?

– Мне не нравится твое настроение, – сказал Арсений Александрович. Он пил чай, чтобы составить дочери компанию.

– И мне не нравится, – вздохнула она, но делиться причинами не стала.

– Прочла? – спросил он, тактично уйдя от темы.

– Не все. Больше половины. Знаешь, я бы не хотела, чтобы в будущем кто-то читал мои письма, даже если в них нет интимных вещей.

– А как тебе мое предложение?

София соединила брови, пожала плечами:

– Заманчивая идея...

– В конце фразы ты не поставила точку, – заметил папа. – Значит, у тебя есть возражения. Трусись?

– Считаешь, я справлюсь?

– У тебя, Софи (он называл ее на французский манер), уверенное перо...

– Было когда-то, – вставила она.

– То, что человек умеет, никогда не пропадает, только засыпает, – возразил Арсений Александрович. – Главное, есть идея... сюжет.

– Папа, а почему ты сам не хочешь попробовать?

– Видишь ли, я остался в прошлом веке, мысли у меня прошлые, слог устарел. А писать надо современным языком, но учитывая особенности тогдашнего стиля. Впрочем, у меня нет главного – таланта, а графоманом я не хочу быть.

– Один ты считаешь меня талантливой, умной и красивой, – скорбно вздохнула София.

– Ну, дорогая, – рассмеялся отец, – гадость всегда найдется кому сказать. Ты себя недооцениваешь, дочь. У тебя прекрасная фигура, волосы, лицо... которое портит выражение уныния. Я хочу, чтобы ты проснулась. Вот тогда ты увидишь, что все так, как я говорю. Кстати, хочу сделать тебе подарок...

Он ушел в другую комнату, вернулся с большой коробкой. София округлила глаза:

– Что это? – Вдруг увидела надпись, подскочила. – Ноутбук? Но... у Борьки есть компьютер...

– То у Борьки, а теперь у тебя будет свой, персональный. Мне его отладили, он готов к работе. Держи.

София достала ноутбук из коробки, погладила по крышке, приподняла ее. На глаза навернулись слезы. Не потому, что подарок дорогой, муж в состоянии купить сто ноутбуков,

а потому, что на свете есть только один человек, который любит ее безвозмездно и ценит, несмотря ни на что, – папа. Но компьютер не просто подарок, а настойчивое требование применить его.

– Боюсь, у меня не хватит знаний, – смутилась София.

Для папы же не было ничего невозможного, поэтому он с дочерью не согласился:

– Есть память поколений, интуиция, а книги помогут пополнить недостающие знания. Это немало.

– Ты самый лучший! – прижалась она к нему, сдерживая слезы. – А я плохая дочь.

– Не горюй, – обнял ее за плечи Арсений Александрович. – Кстати, кажется, твой звонит...

Да, мелодия Бориса. Нехотя София поднесла трубку к уху:

– Я у папы. Если есть желание, забери меня. – Опустив руку с трубкой, она пробубнила с огорчением: – У него есть желание.

Чмокнув дочь в висок, папа стеснительно попросил:

– Сделай так, чтобы он не заходил сюда.

– Не переживай, не зайдет. Думаешь, Борька тупой и не чувствует твоего отношения?

Так они и сидели, обнявшись, как два одиночества, случайно встретившихся на короткий миг. Сидели до второго звонка Бориса, которым он сообщил, что приехал. София уложила ноутбук в коробку, обхватила ее руками и направилась к выходу, ворча себе под нос:

– Все не так. Знаю, что не так, а ничего не меняю, даже не пытаюсь. Потому что боюсь что-либо изменить.

– Софи, никогда не поздно начинать, – услышал ее слова Арсений Александрович. – Если мне не веришь, поверь Прусту, который писал: «Я удивился тому, какими беспомощными оказываются наш разум, наш рассудок, наше сердце, когда нам нужно произвести малейшую перемену, развязать один какой-нибудь узел, который потом сама жизнь распутывает с непостижимой легкостью». Начни хотя бы с истории в письмах. Ты только попробуй.

Поцеловав отца, София вышла из квартиры, стала медленно спускаться по лестнице. А ведь идея действительно засела в сознании и не отпускала, особенно когда она читала письма, которым более ста лет. Но как преподнести эту историю? В каком жанре? Слишком мало основы, ярко выделяется лишь любовная история, а сентиментальность сейчас не в моде. Но и детективная линия просматривается. Правда, слабенько. Детективы-то нынче читают. Во всяком случае, у нее появилась возможность стать от Борьки чуточку независимой. Но повод к детективу мал...

Она бы начала так

«Принес же черт сестрицу Мишеля», – сетовал про себя Суров. Едва его полк расквартировался, он приехал в усадь-

бу Уварова, а тот предложил остановиться у него, заодно сэкономить квартирные. Суров согласился, давно ведь не виделись. И вдруг сестра Мишеля! Придется соблюдать этикет, застегиваться на все пуговицы, следить за каждым словом, чтобы невзначай не вылетело армейское выражение, а уж о посиделках до утра и говорить нечего. О женщины! Любят устанавливать порядки сообразно своим представлениям, не считаясь с желаниями мужчин.

Мишель чутко улавливал настроение друга, оттого и убеждал его в обратном:

– Марго тебе понравится, Саша, она проста, умна...

– Разумеется. Жене статского советника быть неумной не годится, – сказал тот, сильно хмурия брови.

На него исподволь косились уездные дамы, гулявшие на перроне в ожидании поезда. Ни одна не пропустила подполковника, не проводив его мечтательным взором. И немудрено: он высок, подтянут, плечист, светловолос. И лицом пригож – одни бирюзовые глаза чего стоят! А щегольские усики придавали ему вид ветреника, но Суров сторонился женщин. Обладая всеми достоинствами русского офицера, он несколько скованно чувствовал себя в обществе, посему избегал его. Причина в происхождении: он, мещанин, начал военную карьеру с низших чинов и успешно продвинулся вверх, проявив доблесть, храбрость и ум.

Раздались короткие гудки, предупреждая зевак, чтобы те не попали под колеса. Паровоз, издавая шипение и выпуская

у колес белые пары, а из трубы черный дым, медленно тащил вагоны.

– Мишель! – воскликнул звонкий голос.

Поезд шумно стал. Уваров увидел сестру – миниатюрную и прехорошенькую женщину лет двадцати пяти, стоявшую на подножке, замахал рукой и кинулся к вагону. Помог сойти сестре, они обнялись.

– Как добралась? – спросил Уваров, не выпуская ее из объятий.

– Ужасно, – улыбнулась женщина. – Жара, душно, Мишенька капризничал. Маман с папа передают тебе привет и велели отругать, что редко пишешь, негодник.

Уваров расцеловал сестру и принял племянника пяти лет. Следом гордо сошла длинная и тощая гувернантка, потом на перрон спустилась тучная пожилая нянька. Подскочили носильщики, которыми распоряжалась горничная Анфиса.

– Позволь тебе представить подполковника Сурова Александра Ивановича. Он любезно согласился разбавить наше общество, пока его полк квартирует в этом городе, – опомнился брат, и тот щелкнул каблуками. Затем Уваров повернулся к другу и сказал: – Моя сестра Марго.

– Наслышана о ваших подвигах, – протянула женщина руку для поцелуя. – Вы отличились в турецкую кампанию, а мой брат, какая жалость, оставил военную карьеру. Позвольте, разве вы, Александр Иванович, не майор?

– В мае, ваше сиятельство, ваш покорный слуга произве-

ден в подполковники, – поцеловав руку, скромно сказал Суров.

– А также жалован дворянским званием, – дополнил Уваров.

– Замечательно! – искренно обрадовалась Марго, будто повышение получил ее муж. – Мы обязательно отметим сие событие!

«Ну, вот, уже распоряжается!» – скис Суров.

Тем временем Уваров с ужасом смотрел, как на перроне растет груда чемоданов и прочей ручной клади.

– Марго, это все твой багаж?

– Конечно, дорогой. Я взяла самое необходимое.

– Мы не найдем столько носильщиков, – растерялся Уваров. – И коляска одна... Право, не знаю, как быть...

– Я найму извозчиков, – усмехаясь в усы, сказал Суров. Поклонившись даме, он зашагал прочь.

– Ну вот, я не смогу ходить неглиже... – надула губы Марго, глядя ему вслед.

– Думаю, ты поладишь с ним, – успокоил ее брат.

Чемоданы и баулы погрузили в одну коляску горой, извозчик обвязал их веревками, чтобы не потерять. Кофры, сумки, шляпные коробки и мелкие поклажи из узлов, принадлежащих прислуге, уложили в две другие. Няня, Митя и Анфиса сели к извозчику, в экипаже поехали Марго, Уваров и гувернантка, которая держала в руках удочку, сачок для ловли насекомых и зонтик. Суров ехал верхом бок о бок с

экипажем. До усадьбы восемнадцать верст, путь долог, он украдкой разглядывал Марго, ведь ему предстояло провести много времени в обществе этой женщины.

Ростом невысока, с девичьим станом, который подчеркивал безупречный дорожный костюм, легка в общении и без жеманства. Лицо ее чуть-чуть удлинено, как у брата, с плавными линиями, а черты, пожалуй, крупные. Кроме носа – он маленький, прямой и заострен. Особенно замечательны в ней улыбка и плутовские глаза, которые словно так и ищут, за что зацепиться да разнести в клочья.

Мишель – ровесник Сурова и полная противоположность сестре, хотя и похож на нее. Он также строен, имеет такие же густые волосы каштанового цвета и зеленоватые глаза, но высок и меланхоличен. А гувернантка, мадемуазель Каролина, невольно вызывала улыбку. Явно старая дева, излишне строга видом, с неsgiбаемой спиной и бесстрастным выражением некрасивого лица. Черты его грубые, а глаза сонные.

– Как тебе взбрело в голову, Мишель, купить усадьбу в эдакой глуши? – спросила Марго, когда миновали половину пути. – И название не звучит – Озеркино.

– Скоро увидишь, что за чудо вокруг, – заверил Уваров. – Скажи, Саша, я не прав?

– Да, место изумительное, – подтвердил Суров. – Ваш брат обещал отличную охоту. Ваше сиятельство, вы любите охотиться?

– Еще бы! – воскликнула Марго. – Я неплохо стреляю из

ружья. И давайте без церемоний, не зовите меня сиятельством, высокородием, статской советницей... Не хочу. Между друзьями не должно быть напыщенностей, а раз вы друг моего Мишеля, то и мой тоже.

– Благодарю вас, сударыня. Мадемуазель Каролина, вы не устали? – решил Суров привлечь к общению гувернантку.

– Подполковник, она же англичанка, ни бельмеса по-русски не понимает, – торопливо сказала Марго и прикрыла рот ладонью. – Простите, я дурно выразилась.

Мадемуазель живо повернула к ней голову на длинной шее и строго отчитала:

– Бельмес, мадам, плохой слова.

– Нет, что-то она все-таки усвоила, – проворчала Марго.

Суров и Уваров расхохотались, получив от гувернантки по осуждающему взгляду. Оставшаяся часть пути прошла весело и непринужденно, ибо Марго забавно пересказывала последние губернские сплетни.

Попав в Озеркино, она начала бурно восхищаться усадьбой. Великолепный и большой дом из двух этажей, с колоннами и мезонином окружал чудный большой сад, за ним раскинулось кольцо из леса. Конюшня с псарней находились в отдалении, там же птичий двор и сеновал.

Но главный сюрприз ждал Марго, когда гостя вышла на просторную террасу позади дома. Озеро искрилось на солнце, отражая синеву неба и белые кучевые облака, на водной глади покачивались кувшинки. Противоположный берег был

далек, однако прекрасно просматривался, воздух прозрачен и чист, с ароматами хвои и трав. От террасы к берегу простиралась лужайка, справа была выстроена купальня, слева, у камышей, имелся причал. А кругом лес.

– Мишель, теперь я понимаю, почему ты сбежал, – сказала Марго.

– Я сбежал, потому что ты хотела женить меня на своей подруге-кривляке, – обнял сестру со спины Уваров.

– Вовсе она не кривляка. А ты невоспитанный человек. Но я люблю тебя. Она вышла замуж за генерала в отставке. Вот!

– Очень рад за нее.

– А вы, подполковник, женаты? – любопытствовала Марго.

– Нет-с, сударыня. Я ведь военный, меня могут убить. Не хочу оставлять детей сиротами, а жену вдовой.

– Пожалте обедать, господа, – пригласил подошедший лакей.

Марго вышла замуж хоть и за равного (графа Ростовцева), но выбор ее не назовешь удачным. Безусловно, «статский советник» звучит внушительно, однако статская служба не столь почетна, как военная. В представлении сестры дело мужа весьма полезно, а по мнению Уварова, Ростовцев сухарь, педант и зануда. «Зато сама Марго – деятельная особа», – тотчас подметил Суров. Не успев освоиться, она

принялась хозяйничать, а за ужином сделала замечание брату, что мебель немодная, слуги плохо одеты и с дурными манерами. Марго азартно строила планы по переустройству усадьбы, хотя ужин был объявлен в честь подполковника.

– Марго, я не устраиваю приемов, – пробовал образумить сестру Уваров. – Здесь некого приглашать, чтобы похвастать изысканным убранством.

– Ты привык к походной жизни, и это дурно, – воспитывала его она. – Некого, говоришь, приглашать? А мы устроим спектакль. Да, да! И пригласим офицеров из полка Александра Ивановича.

– Помилуй, кто же играть-то будет? – смеялся брат.

– Ты, я, Анфиса! Моя Анфиса прекрасно читает Пушкина и Байрона. А вы, подполковник, согласитесь играть?

– У меня нет таланта, – не смог напрямую отказаться тот.

– У нас у всех нет таланта, кроме как у Анфисы. Ну и что? – загорелась идеей Марго. – Мы разыграем... водевиль «Гусар-девица» господина Кони! Возражений не принимаю. Через... через две недели дадим представление прямо на террасе, зрителей посадим на лужайке. А сейчас давайте в карты поиграем?

Слуга принес карты, условились играть по четверти копейки, разыграли три партии – выиграла мадемуазель Каролина. Марго кинула карты и, наблюдая, как гувернантка подсчитывает выигрыш, капризно заворчала:

– Она мошенница. Подполковник, вы не находите? Ведь

так не бывает, чтобы выигрывали подряд сто раз! Это неинтересно. Идемте к озеру? Ночь волшебная, мне вовсе не хочется спать.

Ночь была тиха. Лишь сверчки неустанно стрекотали, да лягушки квакали, но их голоса как раз дополняли, подчеркивали безмятежную и привольную тишину. Пространство из темноты со стороны озера не пугало, напротив, оно приносило покой и ощущение, что жизнь проста и прекрасна. Только звезды мерцали грустно, но они так высоко и так недостижимы, место их определено навечно, оттого им оставалось лишь грустить над невозможностью присоединиться к людям у озера. Недоставало чего-то особенного, подтверждающего явь этой чудной ночи...

Вдруг издалека долетел женский голос, выпевая мелодию сначала протяжно и несмело. Постепенно голос крепчал и, проносясь над озером, взмывал до высоких нот, поражая чистотой звучания и сложной мелодией. Он был легче воздуха, одновременно сильный и глубокий, казался неземным, оттого не нуждался в аккомпанементе. Слов не разобрать, но голос брал за душу страстной тоской, несбыточными мечтами и вынужденным смирением, звучавшим в нем. Это было так необыкновенно, что даже непоседливая Марго замерла, вслушиваясь в рулады. Последняя нота надолго задержалась в воздухе и постепенно угасла, как гаснет фитилек догорающей свечи. Возобновился стрекот сверчков и недовольный гомон лягушек.

– Так поют ангелы, – тихо сказал Суров, закуривая трубку.

– Она поет каждую ночь, – в тон ему произнес Уваров.

– Кто? – спросила Марго, вслушиваясь в звуки.

– Не знаю, – ответил Мишель. – На противоположном берегу усадьба, но мне неизвестно, кто там живет.

– Ты не делал визиты соседям? – удивилась сестра. – Очень нехорошо, друг мой, тебя сочтут за буку.

– Я пытался познакомиться, но лакей сказал, мол, «барыня не принимают».

– Барыня? – плутовски улыбнулась Марго. – Ну, мне-то она не откажет. Тшш! Опять... Это Беллини... Чудо, как хорошо поет.

Слушали, усевшись на траву у озера, в черных водах которого отсвечивала кривобокая луна. Внезапно все стихло – очевидно, певица ушла с берега. Устали и лягушки, только сверчки нарушали тишину размеренным стрекотом. Суров принес шампанское и бокалы, выпили по глотку.

– А мне, признаться, любопытно взглянуть на обладательницу столь волшебного голоса, – сказал Уваров и поднял глаза в небо. – У, скоро полнолуние...

– Почему ты говоришь о полнолунии так загадочно? – все хотела знать Марго.

– Завтра скажу, сестрица. Это менее приятная тема.

Внезапно удивительную тишину разрезал заунывный вой. Он тоже доносился с другого берега и звучал вразрез с божественным голосом, заставляя содрогнуться.

– Похоже, волк воет, – сказал Суров.

– Здесь волки водятся? – перевела на брата испуганные глаза сестра.

– Далеко, – ответил тот. – Вблизи не встречались.

– А разве волки воют летом? – спросила она.

– Когда волк голоден, он воет, – ответил Суров.

Словно в подтверждение его слов, волк снова завыл...»

2

Итак, интрига обозначилась: пение, волчий вой. Вот если бы эту историю превратить в мистический детектив... Как же выстроить детективную линию?

– Ты что так долго? – спросил Борис, открыв дверцу изнутри.

– Прости, – не стала ничего объяснять София – лень.

Машина тронулось с места. Борька крутой, подруги ей завидовали: отхватила классного мужика, как сыр в масле катается аж целых семь лет. А София взяла и пошла работать продавщицей-консультантом в книжный магазин (больше никуда не брали без опыта). Подружки пальчиками у виска покрутили и уgomонились. Работа ей не нравилась, но, возможно, именно с нее София и начала менять свою жизнь. А то тоска – хоть плачь, хоть вешайся. Знать бы, чем сердце успокоить... так ведь нечем. Если бы кто-то спросил, чего она хочет, София попала бы в тупик, ибо не знает. В том-то и есть смысл ее бессмысленного бытия.

– Что за коробка? – спросил Борька.

– Папа ноутбук подарил.

– На фиг?

Посмотришь на него – джентльмен, слушаешь – охладомон. София даже не задумывалась, любит ли мужа, как раньше. Просто привыкла и уже не представляла другого мужчи-

ну рядом с собой. Но что-то с ней творится не то, дело ведь не в Борьке. Правда, он не хочет детей, а возможно, ее хандра прекратилась бы, будь у них дети. Папа не любит Борьку, считает его хвастуном, скрягой, недалеким и самовлюбленным типом. Он не совсем прав, муж – человек настроения, иногда сорит деньгами, при этом не любит выбрасывать старые вещи. А вот что хвастун – да! Купит жене кольцо, потом всем показывает. Или новым знакомым заявляет: посмотрите, какая у меня куколка-жена. Все умильно улыбаются и соглашаются, Борей восхищаются, а София тихо бесится, потому что куколка – это ни на что не пригодная чурка при муже. По сути, Борька просто мальчишка, хотя в его тридцать шесть пора повзрослеть.

Был скучный ужин, потом скучный секс – все нормально, так живут многие. Дело не в муже, а в ней, себя надо менять. София долго не засыпала, ее мысли крутились вокруг сюжета.

Хозяин магазина купил несколько квартир в старинном доме и переделал их в один большой торговый зал, а потому закоулков здесь тьма. В самом дальнем закутке устроилась на стуле София и читала, с трудом разбирая слова с «ятями». Сегодня ее отдел посетили три человека, ничего не выбрали. Сейчас больше интересуются не специальной литературой, а художественной или про здоровье без врачей, поэтому свободного времени у Софии полно. Вчерашнее недоразумение

как-то уже отодвинулось, но... неожиданно напомнило о себе.

Шаги заставили Софию отвлечься от книги и привстать, ведь явно именно в ее «аппендикс» кто-то шел. Однако так покупатели не ходят – как на параде, чеканя шаг. Стоило Софии увидеть молодого человека, она поняла: ей конец. Это был вчерашний вооруженный бандит, правда, сейчас без пистолета. Но шел он на нее, смотрел на нее, свирепое лицо с поджатыми губами говорило: идет убивать! София механически поднялась и попятилась, спиной уперлась в книги. Он подошел на расстояние вытянутой руки, поставил руки на бедра и с минуту уничтожал ее взглядом василиска. От взглядов не умирают, не умерла и София, хотя от страха окостенела.

– Покажи руки, – приказал он.

Руки сами поднялись ладонями вверх, секунда – и на запястьях защелкнулись наручники. София ахнула, а тип в мятой футболке и джинсовом жилете предупредил, внезапно придавив ее к полкам телом:

– Лучше молчи, иначе я за себя не ручаюсь.

Он схватил ее за локоть и потащил в соседнюю часть зала, а там – какая жалость! – никого. Отсюда был выход на задний двор, туда и поволок ее бандит через короткий коридор, усадил в машину на переднее сиденье, сам сел за руль. При чем София, даже увидев грузчиков, не сообразила поднять визг, только подумала, что сюда просто так не въедешь, ста-

ло быть, бандит получил разрешение у хозяина.

Выехали со двора, помчались по улицам. София опомнилась:

– Куда вы меня везете?

– На казнь, – бросил он спокойно.

Сердце ее захолонуло: точно пришел конец! Но умирать как-то рано. Неожиданно для себя София начала бить бандита, несмотря на руки в наручниках.

– Выпусти меня! Люди! Помогите...

Он молча и зло оттолкнул ее одной рукой. Его резкого движения оказалось достаточно, чтобы она всем телом врезалась в дверцу и притихла. София сдалась. Куда ей справиться с таким баобабом! У него нет жалости, нет чувств, он бревно. Все, теперь у нее больше ничего не будет. Она не увидит папу, не скажет ему много хороших слов, которые стеснялась говорить. Не изменит свою жизнь, потому что жизнь закончится, и не напишет роман, который сейчас созревал в ее голове. И не прославится, в конце концов! А ведь София уже нащупала ход...

Дальше должно быть так

«Из окна открывался вид на озеро, над которым вилась тонкая дымка. Марго выбежала на террасу, потянулась, затем скинула туфли и побежала к купальне. Любуясь окружа-

ющей красотой, заметила на причале гувернантку с удочкой – и она уже не спит. Рядом с мадемуазель стояло большое ведро, очевидно, рыбы в нем много. Марго повернула к причалу, на цыпочках подкралась и заглянула в ведро, а там плавала одна маленькая рыбка.

– Доброе утро, – сказала Марго по-французски.

Гувернантка вздрогнула, проворчала на английском насчет громкости и рыбы, которая испугается мадам и уплыет. Марго же рассматривала коробку с землей, где ворочались червяки. Выставив указательный палец, спросила по-французски:

– Где вы взяли *это*?

Мадемуазель лишь повернула голову, скосив глаза на коробку с червяками, и с достоинством ответила по-русски:

– Я копаль лопата. Тсс!

– Фи, фи, фи, – передернула плечиками Марго.

В купальне она сбросила платье, подумала и сняла белье, после чего погрузилась в воду и поплыла к середине озера.

– Ах, мадемуазель Каролина! – закричала оттуда. – Бросайте удочку и поплавайте! Что за прелесть!

Потом был утренний чай прямо на залитой солнцем террасе. К Марго и мадемуазель, которой мадам помешала удить рыбу, присоединился Мишель, Суров спал. Наговориться не могли, особенно Марго. Вдруг она вспомнила:

– А что ты обещал мне рассказать про полнолуние?

– Не хочу тебя пугать, но здесь творятся престранные де-

ла. Каждый месяц находят в округе труп, и случается это в полнолуние. Находят тела крестьян, на горле которых две раны, по слухам, укусы клыков. Крестьяне рассказывают байки про оборотней и вурдалаков, встающих из могил...

– Господи, ты веришь сказкам? – усмехнулась Марго.

– Не верю. Но тем не менее весьма странно.

– А что полиция?

– С ног сбилась. В байки они тоже не верят, да только не все. В мае на полнолуние устроили засаду, а почтмейстера прозевали. Да и что может сделать уездная полиция? Во всем лесу не разместишь полицейских.

– Доброе утро, – подошел к столу Суров. – Чаю дадите?

– Присаживайтесь, Александр Иванович, – пригласила его Марго. – Скажите, вы верите в оборотней и вурдалаков?

– Разумеется, нет, сударыня.

– А мой брат утверждает, будто по лесу бродит вурдалак. – Она слегка наклонилась к Сурову, голос ее приобрел таинственную окраску. – Упырь, или вурдалак, или вампир – собственно, это одно и то же, – нападает на людей в полнолуние, кусает за горло и выпивает всю кровь до капельки. Каково, а?

– Страшная история, – в тон ей откликнулся Суров. – А полиция не пробовала схватить вампира и посадить в острог?

– Пробовала, – кивнула Марго. – Не поймала.

– Плохо ловила. Не бойтесь, сударыня, вам ничего не грозит.

– А я и не боюсь. Потому что в выдумки не верю. Но сказки послушаю.

– Да, конечно, все выглядит смешно в конце девятнадцатого века, – наблюдая за сестрой и другом, произнес Уваров. – Однако, друзья, трупы есть, а объяснения им нет. Крестьяне напуганы, поодиночке не ходят. Я в лесу делянки для лошадей держу, травы там сочные все лето, но конюх отказывается пасти коней один, а в ночное идти не хочет и вдвоем. Кстати, Марго, пойдем, покажу, какую лошадь я купил для тебя.

– Правда? – подскочила она. – Подполковник, пейте чай, к завтраку мы вернемся. Мишель, я сгораю от нетерпения увидеть лошадь...

В конюшне стояли несколько лошадей, предназначенных как для работы, так и для верховой езды. Уваров подвел Марго к серой в крапинку и с длинной шеей, предупредив:

– Осторожно, она норовистая.

– До чего же хороша... Как ее зовут?

– Ласточка. Погляди на моего Гермеса! – Он подошел к жеребцу рыжей масти, громко чмокнул его в морду. – Он из Калмыкии, но не уступит арабским скакунам. Что за статья, что за порода! Красавец, умница и преданный друг. Гермес, улыбка!

Жеребец приподнял верхнюю губу, обнажив крупные зубы, Марго зааплодировала и рассмеялась. Погладив по длинной морде Ласточку, прижалась к ней щекой:

– Я ей понравилась. Вечером мы устроим конную прогулку.

Сборник водевилей Марго отыскала в библиотеке брата и весь день мучила горничную, уча с ней слова из пьесы и советуя, как надо говорить. Приставала она и к Сурову, но тот категорично отказался стать лицедеем даже на час, обещал взамен себя привезти пару офицеров. Ну а брату пришлось согласиться на роль благородного отца, как он ни сопротивлялся. Гувернантка взялась разучивать ноты, ведь водевиль без куплетов – не водевиль.

Вечером, облачившись в темно-синюю амазонку и цилиндр с вуалью, Марго предложила разогреть лошадей, а после устроить скачки. Желание дамы – закон, но увлеклись.

– Марго! Лошади устали! – догоняя сестру, крикнул Уваров.

Но она никак не могла обогнать Сурова и крикнула в ответ на полном ходу:

– Я не люблю уступать!..

Подполковник натянул поводья, останавливая лошадь:

– Маргарита Аристарховна, признаю победу за вами.

– Нет и нет! – запротестовала она, но пустила лошадь шагом. – Не могу принять победу. Погодите, Александр Иванович, Ласточка привыкнет ко мне, и я обязательно обгоню вас.

– Мишель, короткая дорога к усадьбе есть? – спросил Су-

ров.

– Не знаю, я так далеко еще не заезжал. Смотрите, кто это там, на пригорке? – указал он плетью.

– А мы сейчас спросим, – дернув лошадь за повод, сказала Марго.

Она спустилась в низину, затем поднялась на пригорок, где стоял всадник. Уваров и Суров неторопливым шагом ехали за нею.

– Простите, господин... – подъезжая к всаднику, заговорила Марго.

Тот немедленно приподнял над головой шляпу и представился:

– Оливье де ла Гра, профессор медицины.

– Графиня Ростовцева Маргарита Аристарховна, – ответила молодая женщина.

Это был высокий мужчина с благородной внешностью. Резко очерченные скулы и слегка впалые щеки придавали ему усталый вид. В седле профессор держался как влитой, с выправкой военного, да и вороная лошадь под ним не шелохнулась, значит, он опытный наездник. Де ла Гра производил впечатление человека строгого – он не изволил даже улыбнуться. Уваров и Суров тоже представились, и Марго спросила:

– Господин профессор, не скажете, есть ли короткая дорога в Озеркино?

– О, однако вы сделали большой крюк... Лучше возвра-

спайтесь той же дорогой, ведь уже темнеет, – посоветовал де ла Гра.

– И все же как нам сократить путь? – настаивал Суров.

– Только напрямую через лес, никуда не сворачивая, – указал плеткой де ла Гра. Он хорошо говорил по-русски, иностранца выдавало лишь чуть излишнее грассирование. – Но, господа, ночью в лесу опасно.

– Скоро мы даем спектакль, не желаете ли посмотреть? – поспешила пригласить его Марго.

– Благодарю вас.

Кажется, он принял приглашение.

– А как вам сообщить о дне?

– Я гощу в усадьбе напротив Озеркина, через озеро. Честь имею, господа.

Он приподнял шляпу, затем стегнул лошадь, та сорвалась и вихрем умчалась, унося седока, а троица поскакала к лесу. В чаще, где было много темнее, всадники перешли на спокойный шаг. Лошади чувствовали препятствия, обходили их, но вскоре совсем стало темно, Уваров дал команду:

– Стойте! Мы не сбились? Уж давно должна быть дорога.

– Мишель, я слежу вон по той звезде, – указал Суров. – Мы начали движение по лесу точно на нее.

– Я так устала... – протянула Марго.

– Сейчас передохнем, – оживился Суров. – Смотрите, вон костер...

Они выехали на поляну, где у костра сидели три мужика

и два мальчика лет десяти в посконных рубахах, значит, деревенские. Здесь же паслись с десятков лошадей. Всадники спешили, мужики и дети встали, в пояс поклонились господам.

– Здорово, мужики, – поприветствовал их Суров. – Мы немножко заплутали. Далеко ли еще до дороги?

– Недалече, – сказал самый старший мужик с окладистой бородой, придававшей ему грозный вид. – Рошу перейдете, дорога сразу и будет. Нынче и мы далеко не забредаем, боязно.

– Отчего ж боязно? – полюбопытствовала Марго.

– Да так... – почесывая затылок, вступил в разговор белобрысый мужик. – В лесу нечисть объявилась, ее и боязно.

– Нечисть? – улыбнулась Марго. – Неужто?

– Ей-бо! – перекрестился белобрысый, для верности вытирашив глаза. – Кого встретит, кровушку выпивает.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи...

Марго присела на краешек пенька, а грозный мужик дал мальчонкам по затрещине:

– Чего стоите, окаянные? Живо коней барских напоите. Пожалуй, и я с мальцами пойду к ручью, а то их одних боязно отпускать.

Два мужика снова сели к костру, рядом с Марго устроился на траве Суров, а Уваров присел у огня на корточки.

– Ну, кто же в лесу завелся, что так вас напугал? – лукаво подмигнув Сурову, спросила Марго.

– Дык, барыня, оборотень волком воет, – начал белобрысый. – Да упыри на свет божий выходят. Из нашей деревни зимой паренек в лес пошел за хворостом и сгинул. Искали его, искали... нашли мертвым, а на шее след от клыков. Повитуха тотчас определила: упырь кровь высосал.

– Неужто правда? – не верила Марго.

– Истинная! – заверил второй мужик. – А из соседней деревни он двоих загубил. Весной было дело. Да вон барин должен знать, – кивнул он на Уварова. – Чай, из его деревни люди.

– Все точно, – подтвердил Уваров. – Я полицию вызывал.

– Разве ж полиция упыря найдет? – хмыкнул белобрысый. – Пошастали по лесу, да все без толку. А недавно так ишо одного нашли, городского.

– Действительно, странно... – задумчиво произнесла Марго.

– Что ж странного? – пожал плечами другой мужик. – Вот сейчас возвратится Демид, порасспросите его. Он с оборотнем силой померился.

– Так от оборотня живым уйти возможно? – подзадоривал его Суров.

– Стало быть, возможно, – заявил мужик уверенно.

Послышалось фыркание лошадей, на поляну вышли бородатый Демид и мальчишки, держа коней под уздцы.

– Демид! – позвала Марго. – Расскажи, как ты оборотня победил.

– Дак ить давненько то было... – смущенно буркнул тот. – Уж тому лет двадцать...

– А ты вспомни, – настаивала Марго.

Просили и мужики, любопытство было написано на лицах мальчиков, прилегли на травку, подперев ладонями мордашки. Демид хмурился, однако подсел к костру, весомо начал рассказ:

– В тот год я жениться надумал. До свадьбы оставались считанные денечки, а тут слухи пошли, будто оборотни у нас объявились. И людей с перекушенным горлом находили точь-в-точь как нынче. Нам с Глашей не до слухов было, помиловаться охота. Осень стояла золотая, мы ввечеру и гуляли по лесу. Вдруг слышим – шур-шур... будто кто листьями шелестит. Опосля все стихло. Мы далее идем, беседу ведем. Опять – шур-шур... И чего там шуршит, думаю... Ранее мы с Глашей как посвиданькаемся, так расходились, а тут боязно мне стало ее отпускать, я и говорю: «Пошли, доведу до околицы». Довел ее, дождался, покуда в избу вошла, и назад пошел, опять же через лес. Иду... Круглая луна на небе висела, оттого в лесу совсем светло было. И снова слышу – шур-шур где-то рядом. А с собой у меня ни ножа, ни чего другого...

– Да ты вон какой огромный, – хихикнул белобрысый.

– Оно конечно, – согласился Демид. – Но коль не знаешь, что за человек за тобой крадется, да с помыслами какими, тут и сильного страх охватит. Вдруг гляжу – палка. Креп-

кая, большая, гладкая. Поднял я ее, а когда сгибался, вокруг незаметно поглядел. И вижу: за елкой кто-то стоит. Я пошел далее, а уши назад держу. И чуток передержал. Вдруг как затопотит он! Я оглянулся... Кабы бы то простой человек на меня бежал, я бы его враз дубиной огрел. А тут несется на меня... мать честная! Страшон, аки черт! Бородища и волосы лохматые, рот открыт, клыки торчат. Ей-богу, барыня, не вру!

– Верю, – заворуженно слушала Марго. – Что же дальше?

– Я так и обмер. А он на меня – прыг! И свалил. Ушибся я, оттого не сразу обороняться стал, а только когда он харю свою препоганую ко мне приблизил и вроде как примеривался цапнуть клыками. Я одной рукой его за горло – хвать! Второй палку нащупал... А он – кулаками по роже моей! Меня тут злоба взяла, думаю: ну нет, просто так ты меня не возьмешь. Держу его за горло одной рукой, а он скалится, рычит, точно зверь. Я изловчился и палку ему в рот сунул, чтобы он ее прикусил. Второй рукой ухватился за другой конец и держу. Гляжу – поранил его, кровь потекла с десен и губ. Я поднатужился и перевернул его, оседлал, а палкой удерживаю. Подергался он, из сил выбился. Я его кулаком примочил в харю, он сознания и лишился. Думаю себе: чего теперь-то делать? А одежда на нем хорошая, барская. Я решил: коль попросту расскажу, никто не поверит. Снял кушак, связал его и взвалил на плечо. Принес в деревню, посадил в дровяник, привязал и народ созвал. Он в себя пришел, озирается. Паль-

цы на руках скрюченные, когти длинные и оскал звериный, а зубы... красные! Повитуха святой воды плеснула на его с молитвой, он как заорет. Повитуха крестом себя осеняет и шепчет: «Оборотень». Мы так и попятимся. Народ загальдел, мол, сжечь его надобно живьем. Ага! В моем дровянике? Чтобы и дом сгорел? Я им толково объясняю: надобно в город его свезть и в полицию сдать. Верно?

– Разумно, – усмехнулся Суров. – Сдал?

– А вот слушай дальше... – продолжил увлеченно Демид. – Успокоил я народ: раз мне повезло его одолеть, то никуда не денется, а утром свезем в город. На том и порешили. Утром пришли ко мне на подмогу мужики, вытащили мы его на свет божий... Что тут началось! Он как завоет, как заплачет... и крючит его чего-то. Мы глядь, а на роже его и руках волдыри повскакивали, точно кипятком обварился. Мы его назад в дровяник спрятали, уж больно он жалобно плакал. Сидим на завалинке, думу думаем: чего делать? Повитуха совет дала: мол, ехать в город надо и привезть полицию, пускай сами думают, как его забрать. Сел я на коня и поскакал. Встретил городского, рассказываю: так, мол, и так! А он мне: сколь выпил, когда оборотня встретил? Я ему: где тут полиция, покажь. В участке велели домой ехать, мол, завтра прибудем. Я домой возвратился, похлебки дал оборотню. Тот ничего, съел, аж за ушами трещало, так ведь, почитай, сутки не ел.

– Полиция приехала? – спросил Уваров.

– А то как же! Да только оборотень сбежал. Утром я пришел к дровянику, а подпорка валяется, дверь открыта. А я же ее накануне закрыл на задвижку и бревном подпер, чтобы пленник не сбег. Вережки оказались разрезаны. Только ить ножа при ем, при оборотне-то, не было, я его в лесу обыскал.

– Как же он сбежал? – озадачилась Марго.

– Так ить оборотень он, ему отпереть дровяник дело нехитрое, – убеждал рассказчик. – С тех пор тихо стало, уж и позабыть успели. А теперь вдруг опять...

– Но ведь оборотень – это человек, который превращается в волка и нападает, не так ли? – спросила графиня. – А на тебя напал человек.

– Оно так, барыня, – согласился мужик. – Так ить с человеком схожести он мало имел. Видно, не успел оборотиться в волка. А я так думаю: то упырь был.

– Пора нам, – поднялся Уваров.

Дорогу всадники нашли быстро. В усадьбе они поужинали, Марго и Суров отправились на покой, а Уваров все ходил по берегу, словно чего-то ждал. И снова звуки божественного голоса пронесли над озером.

После завтрака Уваров занялся делами, а Суров и Марго прогуливались по саду, ведь без Мишеля нельзя репетировать. Гувернантка с Митенькой проводила урок живой природы, за ними ходила нянька.

– Не идет у меня из головы вчерашний рассказ, – прого-

ворила Марго. – В нем много нелепого, но, согласитесь, оборотнем был какой-то сумасшедший.

– Согласен, сударыня.

– Как же он исчез из дровяника? Отчего в первую ночь не бежал?

– Для меня в данном исчезновении нет противоестественности, сударыня. Оборотню кто-то помог: убрал подпорку, открыл дровяник и разрезал веревки.

– А эти странности... откуда у него образовались волдыри? Почему он завыл, когда повитуха плеснула в него святой водой?

– Человек является самой большой загадкой, мне доводилось видеть весьма необычные явления.

– Например?

– Дамам такие вещи не рассказывают.

– Расскажите, Александр Иванович. Мне хочется найти объяснение тому, что слышали, или же... или придется поверить в существование сказочных существ.

Она не капризничала, Марго говорила с жаром, ее пылкий ум желал расставить все точки над «і», причем немедленно. Суров остановился, заложил руки за спину и, глядя сверху в ее любознательные глаза, ровным голосом сказал:

– Моему солдату оторвало снарядам голову, а он все бежал, сжимая оружие. Случай не единичен. Я вас шокировал, сударыня?

– Отнюдь, – опустила она глаза, не получив однозначного

ответа. – Хотя это ужасно... бежать с оторванной... Да. А еще?

– Да те же сумасшедшие. Они вживаются в образ лучше всякого актера. Ежели представляют себя Наполеоном, то говорят, как он, стоят, как он, часами могут рассуждать о поражениях и победах, притом весьма убедительно. И нет никаких средств, способных вернуть их к ним же.

– Вы и такое видели?

– Доводилось.

– Ах, Александр Иванович... – Марго улыбнулась. – Коль существуют странные люди, так среди них точно моя гувернантка. Поглядите на нее: с утра удила рыбу, а сейчас бежит с сачком, как дитя.

– У всякого свои причуды. Вон и вы, сударыня, увлеклись домашним театром.

– А кстати! Когда вы пришлете ко мне офицеров?

– Завтра же, слово даю.

Суров сдержал обещание, и в усадьбу каждый день приезжали два поручика – Христинич и Воронин. Оба проявили способности к актерству, прекрасно исполняли куплеты. Особой гордостью Марго была Анфиса – статная русская красавица, которой осталось усвоить манеры, а игра ее была безупречной. Не хватало одного персонажа, но и тут выручил Суров, приказав своему денщику Степану изображать второго отца. Марго утонула в хлопотах, подыскивая подходящие костюмы из старья, кое-что приходилось делать соб-

ственными руками, например гусарский кивер для Анфисы.
Жуткие истории позабылись...»

Нет, ничего этого не будет, а мог бы получиться увлекательный мистический детектив... Конечно, готова всего лишь завязка, София не знала точно, куда вывезет ее воображение. Теперь и не узнает. Что с ней сделают? Убьют, а труп закатают трехколесным велосипедом в асфальт? Страшно! А кому не страшно умирать? Даже в горле пересохло от страха! Но что она может сделать?

София очнулась, когда бандит остановился во дворе явно государственного учреждения, что ее не удивило. Сейчас полным-полно оборотней – не фантастических существ, а реальных людей, которые оборачиваются кем угодно в зависимости от выгоды. Бандит обошел авто, открыл дверцу, скомандовав:

– Выходи.

Когда она выбралась, он бросил свой жилет на ее руки в наручниках.

– Иди вперед.

– Куда? – пролепетала София.

– Туда! – гаркнул он, указав на вход.

Распахнул перед ней дверь – надо же, какая вежливость! Изнутри на Софию дохнуло чем-то застоявшимся, плотным сгустком отрицательной энергии.

– Это со мной, – бросил кому-то бандит, София не по-

смотрела – кому.

Потом была лестница, длинный коридор, по пути встречались какие-то люди, снова лестница, звук поворачиваемого ключа в замке... Ноги чужие, голова в тумане...

– Входи, – сказал бандит. – Садись.

София села на краешек стула в тесном кабинете, услышала, как бандит сказал кому-то по телефону:

– Доставил ее. Нет уж, вы сами...

Не хочет убивать лично, перекладывает на сообщников, догадалась она. Тем временем браток кинул трубку на аппарат, плюхнулся на стул, бухнул лапы на стол и уставился на Софию с такой ненавистью, будто она поломала ему жизнь.

– Ну, что, подруга, попалась? – сказал, доставая сигареты и придвигая пепельницу. Закурил. – Колись теперь.

– Что? – робко спросила она, не понимая смысла его слов.

– Ты помогла бежать опасному преступнику, следовательно, состоишь с ним в связи. Как его имя? Где его найти? Ты должна знать.

У Софии в голове полушария переместились, казалось, она попала в дурдом. А может, так оно и есть.

– Не прикидывайся овцой, – ухмыльнулся бандит, явно получая удовольствие. – Сейчас тебя отправим в СИЗО...

– Куда?

– В следственный изолятор. Чтобы ты там подумала...

Вошел пожилой мужчина – усатый-полосатый (то есть с усами и в полосатой рубашке), лет на двадцать старше бан-

дита. Вежливо произнес:

– Здравствуйте, София...

– Арсеньевна, – подсказал бандит, уступая ему место.

– Итак, София Арсеньевна, у нас к вам дело.

– Дело? – съежилась она. – Вы кто?

– Вам не сказали? – с укоризной посмотрел мужчина в сторону бандита, и тот отвернулся, скрестив руки на груди. – Вас пригласили в уголовный розыск.

– Пригласили... – повторила София, ничего не понимая. Только нечто внутри подало сигнал: убивать не будут.

– Вы помогли вчера бежать преступнику, теперь должны помочь нам.

– Я? Преступнику? Помочь? – растерянно пробормотала она. – Но я его не знаю...

– Конечно. Если бы знали, то помогли бы нашему сотруднику...

– А она меня дубиной огрела! – упал здоровенными лапшами на стол бандит (или он кто?), очутившись нос к носу с ней. – Ты знаешь, сколько мы за ним гонялись? Девять месяцев! – И так бахнул лапами по столу, что София подпрыгнула на стуле. Тем не менее она уже приходила в себя. – Девять месяцев коту под хвост! Кто тебя просил лезть? Он был у меня в руках! С поличным! А ты... дубиной...

– Книгой, – тихо вымолвила София. – Дайте воды.

Мужчина налил воды в стакан, протянул ей, а руки-то в наручниках плюс жилет. Он наехал на парня:

– Артем! Это что?

– Это? – ухмыльнулся тот. – Обработка в воспитательных целях.

– Сними наручники, – процедил, видимо, начальник.

Артем обошел стол, взялся за стул и развернул Софию вместе с ним. Вставил ключик в «браслет», ворча:

– Тебе урок: не будешь лезть на выручку маньякам.

– Кому?! – распахнула глаза она.

– Маньякам! – рывкнул Артем.

София выпила воду, отдышалась. Молча протянула стакан, мол, еще налейте. Выпила половину и подняла глаза на начальника:

– Что вы хотите?

– Объясню, – снова уселся тот. – Вчера неизвестный позвонил нам, услышав женские крики с территории заброшенного завода, когда шел через него. Мы отправили людей, подозревая, что дал о себе знать маньяк, которого ищет уже года три вся область. Отправили людей, жертву нашли. По всем признакам мы не ошиблись, но маньяка там не было. Группа прибыла через пять минут, ведь завод рядом, а раз жертва кричала, то он не мог уйти далеко. Обыскали все, но его след простыл, просто фантом какой-то. Группа уехала, Артем остался и, спрятавшись, прождал полчаса. Преступник спрыгнул с верхнего перекрытия, видимо, лежал на бетонной плите, которую закрывала еще одна плита. Как он туда забрался – чудеса, да и только. Артем погнался за ним, тот

выскочил на людную улицу, часто сворачивал, надеясь потеряться, и в конце концов заскочил в ваш магазин. Наверняка хотел выйти через черный ход, думал, Артем не сообразит, куда он нырнул. Ну а вы... – и вздохнул.

София опустила глаза, закусив губу. Вот так отличилась! Неужели ее накажут? Нет, усатый-полосатый говорил о помощи...

– Что с женщиной? – спросила. – С жертвой?

– Не спасли.

– А я вам зачем?

– Вы его видели в лицо, – сказал начальник. – Он вас. Не понимаете? (Не поднимая на него глаз, она отрицательно мотнула головой.) Вы на очереди.

– На какой очереди? – вытянулось у нее лицо.

– Вы можете его опознать, так что другого выхода у него нет, кроме как убить вас.

– А? – открыла рот София, вытаращив глаза. Час от часу не легче!

– Поэтому вы здесь. Если будете слушать нас, то, надеюсь, доживете до старости. Но пока он на свободе, ваша жизнь в опасности.

София выпила оставшуюся воду и закивала – дескать, согласна на что угодно, лишь бы до старости дожить.

– Вот и хорошо, – ободряюще улыбнулся начальник. – Сейчас вы и Артем составите фоторобот по горячим следам.

– Боюсь, я ничего не запомнила.

– Вспомните. Ведь маньяка знаете в лицо только вы и Артем.

– А его, – указала она подбородком на «бандита», – он не захочет убить?

– Думаю, попытается, но с ним ему справиться будет труднее. Идемте.

Напряжение в какой-то степени спало. А слово «маньяк» звучало отдаленным эхом, словно София посмотрела триллер, оставивший неприятный осадок. В конечном счете она радовалась, что похищение закончилось счастливо.

Пришли в комнату, ей пододвинули стул, рядом уселся в расслабленной позе бандит... то есть Артем, напугавший ее до смерти. Он сам похож на маньяка.

Началась сборка черт лица. Одновременно София выстраивала в голове роман, который обязательно напишет.

Продолжится он так

«Гувернантка каждый день, едва забрезжит свет, удила рыбу, и иногда ей удавалось поймать штук пять рыбешек, которых с удовольствием поедал кот. Однажды утром, когда прислуга, позевывая, еще только приступала к своим обязанностям, она, как обычно, пришла на причал, расположилась на краешке, опустив босые ноги в воду, и закинула удочку. Прошел час, рыба не ловилась. Послышался голос Марго, а

раз уж мадам проснулась, то поднимет весь дом. Мадемуазель поняла, что сегодня улова не видать, потянула удочку, а та зацепилась за камыш. Не привыкшая пользоваться чужими услугами, мадемуазель уложила удочку на дощатый настил и пошла переодеться...

Выйдя на террасу и увидев пасмурное небо, Марго не огорчилась:

– Будет дождь. Ты так его ждал, Мишель.

– Тучи не дают гарантии, что польет дождь. А ты как думаешь, Саша?

– Думаю, будет, – ответил тот, садясь за накрытый стол. – У меня плечо со вчерашнего дня ноет. Верная примета: к перемене погоды.

– А что у вас с плечом? – спросила любопытная Марго.

– Ранение, сударыня.

Пришла гувернантка в балахоне и нелепой шляпке с цветными лентами, закрывающей волосы. Марго пригласила ее к столу, но та ответила, что сначала должна отцепить крючок. Все отнеслись с пониманием к причуде англичанки и принялись пить чай. Вдруг Уваров неестественно затрясся, Суров огляделся в поисках того, что так насмешило друга, и в его глазах заплясали чертики.

– В чем дело? – не понимала Марго их поведения.

Брат лишь указал рукой, Марго оглянулась и, обладая непозволительно несдержанным характером, прыснула. Мадемуазель услышала, оценив смятение за столом, и надмен-

но сказала по-французски:

– Это купальный костюм, господа. Вы находите его смешным? Так одеваются в Европе, когда идут купаться в общественном месте.

На ней было нечто невообразимое: широкие штаны до колен наподобие кюлот из цветного ситца, приталенная блуза с длинными рукавами, заканчивающаяся кокетливой оборкой до бедер. Черные чулки довершали наряд и никак не гармонировали с костюмом. Рюшей, бантиков и оборок с лентами было так много, что сухопарая англичанка выглядела толстухой.

– Костюм великолепен, – еле сдерживала смех Марго. – Мы смеемся по другому поводу... подполковник рассказал забавную историю...

Мадемуазель величественно сошла в воду.

– Она утонет, едва ее костюм намокнет, – смеялся Уваров.

– Боже мой, – смутилась Марго, – мы вели себя неприлично, но... это так смешно...

А мадемуазель разгребала руками воду, подплывая к поплавку. Наконец она взялась за леску, потянула ее, та подавалась, но при том тащила нечто тяжелое. Кажется, попалась крупная рыба, англичанка никак не могла вытащить ее одна. Не выпуская леску, она с осторожностью поплыла обратно, подтянувшись на руках, залезла на причал и закричала:

– Большой рыба! Помощь, господа!

– Что это? – привстал Уваров, переменившись в лице.

Стоя спиной к озеру, гувернантка нелепо подпрыгивала и призывно махала руками. С нее ручьями стекала вода, брызги летели во все стороны. Суров подскочил и ринулся в сторону озера, за ним Уваров и Марго. Не понимая, почему господа мчатся к ней с такими перевернутыми лицами, гувернантка повернулась к воде, и ее длинное лицо стало еще длиннее, а небольшие глаза круглыми.

У причала плавала утопленница, которую зацепила крючком мадемуазель Каролина и успешно доставила к берегу. Едва она поняла, что именно поймала, гувернантка исторгла из себя невнятный звук и упала в обморок. Ее успел поддержать Суров, иначе плавала бы мадемуазель рядом с утопленницей. Но ее костюм вобрал в себя чуть ли не половину воды из озера, перенести ее одному было невозможно. Тогда Уваров подхватил даму за ноги, и мужчины вдвоем отнесли ее на террасу и уложили на плетеные кресла. Марго крикнула слуг. Первой прибежала девчонка и, увидев мадемуазель в ее изысканном купальном костюме, звонко расхохоталась.

– Прекрати! – строго прикрикнула Марго. – Позови Анфису, пусть принесет нюхательной соли.

– Степан! – звал Суров. – Степан, черт тебя возьми!

– Тут я, ваше высокоблагородие! – примчался денщик.

– Зови мужиков, у нас утопленница...

Труп положили на траву, Уваров распорядился, чтобы принесли полотно и накрыли. Это была молодая девка в крестьянском платье, неплохо сохранившаяся, очевидно, в воде

тело находилось недолго. Над гувернанткой хлопотали Анфиса и Марго, та пришла в себя, но сил подняться не имела. Денщик указал на шею девки:

– Гляди, ваше высокоблагородие!

Суров присел, осматривая шею утопленницы, и увидел две небольшие глубокие ранки, расстояние меж ними два дюйма. Одна приходилась точно на сонную артерию, другая – на горло, чуть выше впадины между ключицами.

– Скачи в город, позови полицию, – приказал он денщику.

Девушку накрыли полотном, а озадаченный Суров поспешил на террасу.

– Похоже, ее убили. На шее две глубокие ранки.

– Я хочу взглянуть на нее, – сказала Марго.

– Плохая идея, сударыня, – попытался образумить ее Суров, который подумал, что с них довольно одной мадемуазель, которая стонала в кресле после обморока.

– Хочу взглянуть, – повторила графиня и решительно направилась к утопленнице. Там она попросила мужика отбросить полотно и, преодолевая отвращение, наклонилась, рассматривая шею девушки.

– Безусловно, она убита. Причем до того, как ее бросили в воду.

Стеная, мадемуазель поднялась с кресла, намереваясь уйти к себе. Но ее взгляд снова упал на труп крестьянки, и она, издав короткое восклицание «о!», упала в очередной обморок.

Двое полицейских и уездный пристав (невысокий мужчина со скверной физиономией пьяницы, в круглых очках, в старомодных брюках в крупную клетку, не соизволивший ни разу снять картуз) задержались в имении. Наблюдая за отъезжающей телегой, на которую погрузили труп, пристав спросил:

– Вам, господа, известно, откуда девица?

– Полагаю, из ближней деревни, – сказал Уваров. – Девица молода, вряд ли она далеко отошла от дома.

– Коль узнаете, откуда она, сообщите родственникам, чтобы прибыли на опознание. Мы ее в мертвецкую поместим, да только долго она там не пролежит.

– Я пошлю по деревням людей, – пообещал Уваров.

– Прискорбный случай-с, – вздохнул пристав. – И уж который на счету. Но девица впервой случилась.

– Вы хотите сказать, что убийство похоже на прежние? – спросил Уваров.

– Да-с, господа. Дело одних рук-с. Как и в тех случаях, два удара нанесены острым предметом по шее. Однако не шилом, чем-то более толстым.

– Говорят, в округе оборотень объявился, – посчитала нужным сообщить Марго. – Или вампир. Будто он убивает несчастных людей, встретив их ночью.

– Возможно, ваше сиятельство, убивает и вампир, – подобострастно склонил голову пристав. – Однако уж слиш-

ком острые и длинные зубы у вампира – раны наносит глубокие, трахеи-с пробивает. К сожалению, других признаков, подтверждающих, что удары нанесены зубами, или клыками, нет-с, господа. Одни-с предположения, а этого мало. И хотелось бы знать мотивы вампира. Прощайте, господа. Будьте осторожны, когда отправляетесь гулять.

После ужина Суров курил трубку на террасе, а Уваров, глубоко задумавшись, мерил шагами лужайку. Сегодняшняя ночь не была чарующе волшебной.

– Ты и твоя сестра слишком большое значение придаете последним событиям, – произнес Суров, сходя по ступеням. – Рассказни о вампирах и оборотнях – чистейший бред. Кто-то ловко дурачит народ.

– Все так, – согласился Уваров. – Но крестьяне суеверны, их теперь не загонишь на работу в лес, и я людей понимаю. А на носу сенокос. И главное – непонятно, с какой целью кто-то убивает людей. Не кровь же он пьет, в самом деле. Хотя сознаюсь, мне почему-то не по себе становится.

– Выпей водки, Мишель, и поспи, – посоветовал Суров. – А искать нечисть должен невежа в картузе и очках. Правда, надежды на него мало. А плечо-то мое не обмануло, дождь начинается...

По воде зашелестели первые капли, внезапный порыв ветра прошелся по камышам, после чего дождь начал набирать силу. Выпив с другом водки, Суров ушел газетку почитать на сон грядущий, а Уваров еще долго сидел в плетеном кресле,

надеясь, что незнакомка с чудесным голосом не изменит себе и споет, а он услышит.

Вчера репетиция отменилась из-за находки в озере, сегодня – из-за дождя – поручики не прискакали (Марго сама велела, чтобы в ненастье они не мчались в усадьбу). Гувернантка лежала в постели, с ней чуть ли не горячка приключилась, Митенькой занималась няня. Уваров читал на террасе, тут же с трубкой во рту чистил охотничьи ружья Суров, а Марго заперлась в библиотеке, которая досталась Мишелю от деда, регулярно пополнялась и нынче насчитывала сотни книг. Хранились здесь и журналы с газетами, для них Уваров отвел отдельную комнату. Марго набрала несколько изданий по интересующей ее теме и теперь с недовольством откладывала одну за другой...

– Что вы читаете, Маргарита Аристарховна?

Молодая женщина вздрогнула. Она так увлеклась, что не услышала, когда вошел Суров. Он же с улыбкой скептика перебирал стопку книг на столе:

– «Демонология» Бодена. «Ученое неверие и невежественное легковерие», сочинение капуцинского монаха Дотена. «Молот ведьм» Шпренгера и Инститориса... – Суров взял еще книгу, открыл наугад, стал читать вслух: – «В Вероне в 1556 году судили толпу колдунов-оборотней, но они превращались не в волков, а в котов...» Хм, а я и не знал, что люди могут превращаться в котов. Так, что тут дальше...

«В таком виде они обычно собирались в старом покинутом замке. Однажды пятеро смельчаков задумали переночевать в том замке. Ночью на них напала несметная толпа кошек, началась отчаянная битва. Люди были жестоко перецарапаны, а один загрызен до смерти. Но и люди поранили много кошек. После того среди окрестных жителей вдруг обозначилось множество раненых людей. Это, конечно, были колдуны, и молва прямо на них указала...» Маргарита Аристарховна, вы же образованная женщина, зачем вам этот бред?

Ей стало неловко, захотелось оправдаться:

– Вы верите в бога, Александр Иванович?

– Я православный христианин, – был ответ.

– Но коль есть бог, то почему не может быть противоположной силы?

– Видите ли, вера в бога не означает веру в глупые выдумки. Бог и дьявол живут внутри человека, случается, они прекрасно уживаются, а бывает, верх берет одна из сторон. И тогда появляются либо великие злодеи, либо праведники-чудотворцы, которые действительно творят чудеса. Вера в бога – прежде всего тот идеал, на который человек обязан равняться, без этого никак нельзя. Нельзя, потому что... тогда можно будет все. А все, Маргарита Аристарховна, означает общее сумасшествие. Армагеддон, ежели вам угодно-с.

– Полагаете, я думаю иначе?

– Зачем же вы изучаете средневековые трактаты, не имеющие ничего общего с просвещенной мыслью?

– Хочу найти объяснение рассказу Демиды. Он говорил правду, я уверена. И все слухи об оборотнях с вампирами... почему они возникли? Да, сейчас 1884 год, а не 1084-й, но люди верят в оборотней до сих пор. Должны быть ответы... или хотя бы намеки на ответ, которые в прошлом приняли за дьявольские козни. И вот что я нашла. Это книга об инквизиции, написана нашим современником. «Старые писатели не все верили в волков-оборотней, – начала она читать вслух, – иные пытаются доказать, что есть особая болезнь, нечто вроде черной меланхолии, при которой больные сами глубоко убеждены, что они превращены в волков, что и побуждает их во всем подражать волкам. Так, по ночам они рыщут на кладбищах и в пустых местах». Здесь же приводятся свидетельства ученых, которым приходилось лечить таких больных, отличавшихся здравым умом, а потом вдруг входивших в экстаз и объявлявших себя волками.

– Вот и ответ. И вы утверждали, что Демид поймал сумасшедшего.

– Я не получила полного ответа. Почему оборотень покрылся волдырями? Пока он сидел в дровянике, ничего подобного у него не было, но стоило его вытащить на свет божий, он покрылся... Почему?

– Не могу знать, сударыня. Коль вы так стремитесь докопаться до истины, вам не в трактаты следует смотреть, а в газеты.

– Так помогите мне. В той комнате много газет. Стоили

они дорого, а мой дед был бережливым, хранил газеты и журналы, потом брат перенял эту привычку. Пожалуйста, Александр Иванович, одной мне не справиться.

— Раз уж вы просите, извольте, я готов помочь.

Через пару дней по небу гуляли белые облака, пахло травой. Возобновились репетиции, но Уваров отлучался. Он ездил в город разузнать, напали ли на след убийцы-оборотня. Увы, увы... Слухи размножались поразительно быстро, и теперь самые невероятные ходили даже в городе. Очередная загадочная смерть девицы, чье тело выловили из озера, окончательно напугала крестьян, с сумерками они прятались в избах, днем в лес ходили только толпой, вооружившись топорами и вилами.

Марго и Суров все свободное время проводили в библиотеке, ничего не объясняя Уварову. Тот прозвал библиотеку избой-читальней и оставил сестру с другом в покое, чувствуя себя лишним. Постепенно им овладевала хандра, какая обычно накатывает, когда некуда приложить ум. Возможно, ему наскучила деревенская жизнь?

Как-то ночью он остался на террасе, от бессмысленного безделья бессмысленно поворачивая пальцем чашку на блюде. Занятие надоело, а спать не хотелось. Он спустился к озеру, от которого распространялась влажная прохлада. Луна поднялась высоко и была похожа на яйцо — она убывала. В воде ее отражение выплясывало замысловатый танец —

то растягивалось, то собиралось, то расплывалось.

Уваров не слышал мелодий из-за озера несколько дней, поэтому, когда вдалеке раздался призрачный голос, он замер, обрадовавшись, что незнакомка сегодня скрасит скуку. В ее пении (часто без слов) скрывалась тайна, она влекла, как влечет все необычное. Совершенно не думая, зачем он это делает, Уваров отвязал лодку, прыгнул в нее и до середины греб быстро, насколько возможно. С середины начал осторожничать, стараясь не испугнуть певунью всплесками весел, и слушал дивный голос, который передавал не только печаль, как часто бывало, но и светлую, безмятежную радость. «Почему в ее пении столько завораживающей власти? – думал Уваров. – Ведь всего-навсего человеческий голос, не более, но... Откуда в нем такие страсть и сила, откуда печаль? Что она может знать о них?»

Он достиг камышей на противоположном берегу, вдоль зарослей его лодка двигалась медленно и бесшумно. Уваров почти не пользовался веслами, одно так и вовсе уложил на борт, а помогал себе руками, отталкиваясь от камыша. Наконец он смог выглянуть и рассмотреть берег, луна прекрасно помогала ему.

На деревянном мостке, уходящем в озеро, стояла девушка с ослепительной белизны кожей в свободном, тоже белом платье, почти сливавшемся с ней, а волосы ее сливались с темнотой, очевидно, они были темными. Но оттого, что выделялись в непроглядной ночи только лицо и одежда, она ка-

залась нереальной. Зрелище было странное: девушка пела, подставив лицо луне и вдохновенно помогая себе жестами. Песня закончилась, она приподняла подол платья, села на мосток, свесив ноги. Снова запела что-то грустное и тихое, болтая ногами, как ребенок.

Уварову захотелось посмотреть на нее ближе, он оттолкнулся веслом от дна — здесь было неглубоко, и лодка заскользила к причалу. Девушка заметила его, прервала пение, но не испугалась:

— Кто здесь?

— Не бойтесь, сударыня, — поспешил сказать Уваров полупшепотом, чтобы не спугнуть ее. — Я слушаю всегда, когда вы поете...

— Я вас не знаю, — подскочила она.

— Не убегайте, прошу вас! У меня нет дурных намерений!

Девушка замерла, но фигура ее осталась напряженной, она была готова убежать. Лодка стукнулась носом мостков, затем коснулась их боком. Уваров взялся за деревянный выступ и заговорил торопливо, но негромко:

— Я всего лишь хотел послушать вас ближе. Вы чудо как хорошо поете. Прошу вас, не уходите... спойте еще...

Вопреки его ожиданиям девушка подошла, присела, рассматривая дерзкого незнакомца в лодке. Наконец и Мишель смог разглядеть ее. Старомодное платье свободного кроя было бледно-голубого цвета. Благородные черты, тонкие линии, большие глаза (жаль, не видно, каковы они цветом). И

волосы пышные, перехваченные голубой лентой, спускались до бедер. Да не русалка ли она? Уваров улыбнулся, глядя на нее:

– Вы на меня смотрите, будто я разбойник. Вам страшно?

– Нет. Я не видела здесь чужих. Откуда вы?

– С противоположного берега, там моя усадьба. Спойте, сударыня, ради вашего пения я пересек озеро.

Больше не пришлось просить. Она устроилась на мостке, подняла глаза к луне, вдохнула и запела. Уваров слушал, сцепив руки в замок и подперев ими подбородок. Слушал и думал, как же все это необычно, ново. Хотя незнакомка уже не казалась странной и неземной, напротив, она была живой, настоящей, гораздо лучше, чем он воображал. Когда она замолчала, он так и сидел, задумавшись.

– Вам понравилось? – тихо спросила девушка.

– Разумеется, сударыня.

– А почему вы меня не хвалите?

Ее бесхитростное откровение вызвало улыбку.

– Разве мое появление здесь не лучше всякой похвалы?

– Верно, – удивилась она. – Как вас зовут?

– Простите, я не представился, – поднялся он. – Михаил Аристархович Уваров.

Лодка закачалась на воде, Уваров тоже покачнулся, незнакомка схватила его за плечи, встав на колени:

– Осторожно!

А он непроизвольно схватился за нее. Это было дерзко, и

Уваров опустил руки, извинившись:

– Простите. Друзья и близкие зовут меня Мишель.

– А мне нравится Михаил. Наверное, ваша мама звала вас Мишенькой.

– Так звала меня няня. А мама – Мишелем.

– А меня зовут Шарлотта.

– Скажите, мадемуазель Шарлотта, почему вы поете ночью?

– Я люблю ночь... луну... темную гладь озера... люблю, когда все спят, а я остаюсь одна... А вы, Михаил Аристархович, любите все это?

Она говорила просто и ненадуманно. Вместе с тем Шарлотта сильно отличалась от девиц своего возраста, но только Мишель не мог понять, чем именно. Пожалуй, естественностью. Да, да, естественностью, которой близко не было в юных девах света. Разве что имелась у одной – у его сестры Марго.

Девушка пела еще, притом ее не надо было просить дважды, а в перерывах они говорили, как старые приятели, о книгах, о музыке и... о собаках.

– Собаки, как люди, – тихо звучал голос Шарлотты. – Они все-все понимают, умеют думать и приносят радость.

– Вы любите охотиться?

– Нет, как можно! Убивать – это ужасно. Ах, небо уже посветлело... Мне пора.

– Пойдите, мадемуазель... – Уваров забылся и взял ее за

руку, но уже не извинился. – Вы уходите? Смею ли я надеяться... увидеть вас еще?

– Да. Завтра. Ежели не будет дождя, я приду сюда. До свидания, Михаил Аристархович. Я приду. И вы приходите.

Ладонь Шарлотты выскользнула из руки Мишеля. Он смотрел ей вслед, пока светлое пятно платья не растаяло вдалеке. Уваров взялся за весла, напевая мелодию Шарлотты, и поплыл на другой берег.

Рассвет набирал силу, гасли звезды, и вместе с новым днем внутри Уварова рождалось тоже нечто новое, теплое, земное...»

Фоторобот получился похожим, но чего-то не хватало. София не могла определить, чего. Потом вежливый интеллигентный мужчина (его привел начальник, Ким Денисович) проводил с ней инструктаж. Запомнить обвал правил, которым она будет обязана неукоснительно следовать, казалось, невысказано. София внимательно слушала, стараясь запомнить. Инструктор говорил чеканно, не распыляясь:

– Мы должны знать, где вы и куда идете – в кафе во время перерыва, на концерт, в ресторан. Даже если надумали вынести мусорное ведро или выскочить к соседке по лестничной площадке, следует предупреждать по телефону Артема.

– Его? – ужаснулась она. «Бандит» не внушал ей доверия хотя бы потому, что жестокость нельзя оправдать ничем, а с ней он обошелся хуже некуда.

– Да, – сказал мужчина (от волнения София не расслышала его имя). – Артем будет вашей защитой, и не только он. Запомните: преступник потрясающе хитер, чувствует опасность, умеет ее избегать и, главное, изобретателен, как фокусник. Мы не знаем, как он привлекает жертв, наверняка пользуется личным обаянием и доверчивостью людей, просчитать его ходы нельзя. Возможно, он захочет с вами встретиться, и вы не должны отказываться, но нас обязаны информировать. Далее. Старайтесь больше гулять, ну, там...

по магазинам, в парках, по улицам. Учтите, он способен напасть даже днем.

– Мужу я могу сказать?

– Не стоит. Не исключено, что преступник вздумает взять вас через мужа.

– Как?! – дернулась София.

– Ему ведь надо подобраться к вам, и он способен использовать вашего мужа, например, подружиться с ним. Не думайте, что он сегодня или завтра объявится. Нет, он обязательно выждет время, чтобы его образ стерся из вашей памяти. Если вы расскажете мужу, он станет осторожно относиться к новым лицам, а это нам не нужно.

– А маньяк не догадается, что вы со мной говорили? – хватило ума у Софии спросить. – Что с моей помощью составили его портрет?

– Не просто догадается, а наверняка уже знает. В этом-то и состоит опасность для вас. Фоторобот не фотография, при сравнении с фотороботом не исключена ошибка, а вот живой человек редко ошибается. До вас его никто не видел, поэтому ему надо убрать вас. Но есть один нюанс: люди такого рода верят в свой успех, особенно когда долго не попадают. С каждым новым преступлением у них растет азарт, они начинают вести войну уже с нами и в конце концов теряют чувство страха и меры, не оценивают ситуацию правильно. Так что, может быть, и он допустит ошибку.

– Хотелось бы верить, – буркнула она.

– Возьмите телефон, – протянул он трубку.

– Зачем? У меня есть...

– С этой трубки связь идет напрямую с нами. Вдруг по каким-то причинам вы не сможете говорить по телефону, а связаться надо, нажмите вот сюда, и мы получим сигнал. Одновременно определим, где вы находитесь. В трубку внесено несколько номеров, Артем объяснит, кому они принадлежат. Да! Носите ее все время с собой, лучше повесьте на шею – доставать не придется.

София взяла мобильник, повертела – вроде обычный. Сколько нового она узнала за каких-то полдня!

В кабинет вошли три молодых человека. Ким Денисович попросил Софию внимательно посмотреть на них и запомнить, пояснив:

– Ребята будут вести вас, так что не пугайтесь, когда будете постоянно их встречать.

– Неужели все так серьезно?

– Еще как! – хмыкнул Артем. – Имей в виду, у него нет жалости, сочувствия, сострадания. Отблагодарить за спасение он может только одним способом: убить тебя. А теперь поехали.

– Куда?

Ее пугала сама мысль, что еще раз нужно сесть в машину к этому субъекту, который внешне и по манерам и правда мало чем отличался от бандита.

– Отвезу тебя на работу.

Она вышла из кабинета, а Артем задержался, о чем он говорил с Кимом Денисовичем, София не слышала.

Артем вдруг поехал не той дорогой, и она запаниковала:

– Мы не туда едем!

– Знаю, – усмехнулся «бандит». – Сначала еще одно место посетим.

Приехали почему-то к больнице, остановились перед дверью с надписью «морг».

– Зачем мы здесь? – удивилась София.

– Идем, идем, – подтолкнул ее Артем, не соизволив ничего объяснить.

София опасливо перешагнула порог. Отчего-то у нее появилась уверенность, что готовится сюрприз, который ей не понравится. Ее и Артема встретил врач, очевидно, он был предупрежден, потому что, поздоровавшись, сразу повел обоих по коридору. Привел в мрачное помещение, выложенное кафелем, попросил подойти к каталке. Когда он откинул простыню, София вздрогнула и попятилась. Стоявший позади Артем взял ее за плечи и сказал:

– Смотри, внимательно смотри.

На каталке лежала обнаженная женщина, точнее, то, что от нее осталось. Кровоподтеки, изрезанное тело, одна рука так и вовсе... Чувствуя тошноту, София перевела взгляд выше – лицо женщины представляло собой кровавое месиво, волосы спутаны, заскорузли от запекшейся крови. Сквозь шум в голове София слышала голос Артема возле уха:

– Он изнасиловал ее несколько раз, пытал, а расчленять начал, когда она еще была жива.

– Что у нее с лицом? – промямлила София.

– Нос откусил.

– Как?!! – едва выдохнула она.

– Зубами.

– Мне плохо...

– Э-эй. – Артем обхватил ее рукой, София буквально повисла на ней, и повел на воздух. – Держись...

Доктор дал ей целлофановый пакет, София сообразила, для чего. Оттолкнувшись от Артема, она упала боком на стену, и ее вывернуло наизнанку.

К автомобилю она шла на непослушных ногах, Артем поддерживал ее всю дорогу. Потом заботливо усадил в салон и плюхнулся на место водителя.

– Ничего, пройдет, когда привыкнешь, – пошутил он.

– К такому можно привыкнуть? – вымолвила она.

– Ко всему привыкают.

– Зачем вы мне показали ее?

– В воспитательных целях. А то знаю таких, как ты: надоест жить под присмотром, захочется свободы, а в результате мы получим твой труп. Примерно такой, какой ты видела в морге. Но теперь, надеюсь, у тебя в башке засядет: расслабляться нельзя. Ты должна каждую минуту быть на страже, поняла? На работу или домой доставить?

– Домой. С работы меня уволят за прогул.

– Не уволят, мы договорились. Ладно, везу домой, а то впечатлений у тебя масса. Пока переваришь... Да, и можешь не «выкать», я парень простой.

София вспомнила изуродованный труп, проглотила вновь подкатившую тошноту и спросила:

– Почему он это делает?

– Шизик, я думаю.

– А нос... Почему?

– Кровь пьет вместо водки и пьянеет. Не веришь? – Парень взглянул на нее. Былой ненависти в его глазах уже не было, ну и слава богу. – Наши спецы по психам просветили. Мы и кличку ему дали – Людоед. Примитивно, зато точно.

Дома София улеглась на диван, ее трясло. К вечеру, чтобы не думать о зрелище в морге, она села за компьютер. Нет, не стоит увлекаться мистикой, да и в письмах оснований для нее мизер, а хотелось бы остроты и необычности, иначе как увлечь читателя? А как ее роман будет называться?

Пока без названия

«– Мишель, ты опять пропустил реплику, – надулась Марго. – Это никуда не годится. Вернись на землю.

– Извини, я не услышал, – глядя в листы, где написан текст роли, оправдывался Уваров, не испытывая, впрочем, угрызений совести. Тем более что он еще ни разу вовремя не всту-

пил.

– Господа, начните сначала, – приказала Марго. – С выхода Анфисы.

Уваров вернулся на исходную точку, с ответственным видом уставился в текст, ожидая своей очереди, и... ничего там не увидел. Спал он мало. Из-за Марго утром не выспившись, но Мишель не сердился на деятельную сестру. Ему было немножко неловко перед собой: взрослый мужчина, бывший офицер, поплыл в лодке на голос, как юнец, у которого голова забита романтикой. Впредь такое не должно повториться...

О, он снова пропустил реплику!

Марго рассердилась.

Рассеянность Уварова заметил и Суров, наблюдавший за репетицией. Он подошел к Марго и зашептал ей на ухо:

– Сегодня не идет ваш водевиль. Не мучьте лицедеев, они все же не из императорского театра. А мне удалось кое-что отыскать в газетах...

– Неужели? – У молодой женщины загорелись глаза. Она тут же обратилась к домашним актерам: – Господа, сегодня не будем больше репетировать.

Уваров прищелкнул пальцами в знак одобрения и ушел. Поручик Христоч взял гитару, запел романс, Воронин подпевал ему, Анфиса учила роль, а Марго и Суров удалились в библиотеку, где уселись на канapé. Из стопки отобранных газет подполковник взял две.

– В этих газетах за 1825 год монах-францисканец и медиум из Руана утверждают, что вампиры существуют. Один вампир способен заразить до пяти человек в сутки, каждый из тех, в свою очередь, уже через неделю готов заражать такое же количество человек. Таким образом, город с населением десять тысяч человек окажется заражен полностью в течение двух-трех месяцев.

– Вот уж как раз и есть бред! – возмутилась Марго. – Коль посчитать, то за последующие века в той же Европе не должно остаться ни одного человека. Три месяца? Тогда Париж, Рим, Москва пали бы под клыками за год, сейчас во всем мире должны жить одни вампиры.

– Значит, у вас не осталось сомнений, что это выдумки суеверных людей?

– Разумеется, нет.

– Отлично. А раз нет вампиров, то нет и оборотней, которые также жаждут человеческой крови. Тогда нам остается искать подтверждения, что в основу мифов лег некий недуг.

– А я что вам говорила?

– Вы сомневались, сударыня, а сомнения отдаляют истину. Вот что я обнаружил. Употребление свежей крови известно с древности. Медвежью кровь, смешанную с вином, давали людям ослабленным, после тяжелых ранений или изнурительной болезни. Свежей кровью оленей поили больных чахоткой, и предполагаемых оборотней лекари лечили тоже кровью.

– Зачем? – удивилась Марго.

– Лекари не считали тех людей оборотнями, потому что, когда их держали долгое время под замком, ни один не превратился ни в волка, ни в кошку. Потому и стали думать, что дело в недуге. Недуг крайне редок, о нем мало известно. Замечено, что подобные больные получают облегчение, когда им пускают кровь. Но, дабы восстановить силу больных и запас крови, их поили свежей кровью млекопитающих. Помните описание Демида? Оборотень был заросший, со скрюченными пальцами, с красными глазами, с зубами красного цвета, выделялись клыки, и главное – на свету у него появились волдыри. Так вот, у того оборотня тяжелая форма болезни, когда тело деформируется, а рассудок слабеет. Полагаю, его лечили теми же методами, что и в древности, – пускали кровь и поили кровью. А когда у него помутился рассудок, он стал нападать на людей в поисках свежей крови.

– А что за болезнь такая?

– Не могу сказать. Но газет у вашего брата много, надеюсь вскорости отыскать точные сведения.

– Значит, его лечили... – Марго поднялась, заходила в возбуждении по кругу. – И раз он промышлял здесь, то, получается, его лечил... местный доктор?

– Возможно. Но прошло много лет, почти двадцать.

– А что, ежели?.. – мяла пальцы она. – Вдруг он до сих пор жив и живет где-то поблизости? Если в те времена ему

не было тридцати, то сейчас он – зрелый мужчина...

– Не думаю, что при таких изменениях в облике и рассудке он остался жив. И в нашем случае убитых не загрызли – им нанесли раны.

– Но раны на горле! – возразила Марго. – И тоже возникли слухи об оборотнях. Изменения, говорите? Допустим, они усугубились, и... Тогда, не имея достаточно сил, чтобы загрызть человека, он взял в руки острый предмет! А что, надежный способ убить и... выпить кровь.

На миг Марго остановилась, очевидно, представив убийцу, сосущего кровь из ран на шее. Следом ее посетила новая мысль.

– Александр Иванович! Тот человек... оборотень... Демид сказал, будто он одет был в барскую одежду. Следовательно, он со средствами... – Молодая графиня продолжила хождение по кругу, передавая на словах то, что рисовало ее воображение. – У него есть дом... имение... Значит, есть слуги, родственники... А родственники заботятся о его здоровье и приглашают доктора... Александр Иванович! – села она рядом с ним. – Коль наш оборотень жив, то его все это время пытались лечить. Едем тотчас в город и расспросим докторов!

Марго вспорхнула с канapé и помчалась к выходу.

– Маргарита Аристарховна! – поднялся Суров. Она обернулась. – Вы же хотели всего лишь удостовериться, что оборотни и вампиры – сказки суеверных людей.

– Всего лишь? – Марго свела брови к переносице, словно припоминая, когда же она такое говорила? И тут же лоб ее разгладился, она вскинула плутоватые глаза на Сурова: – Черта с два!

– Как! Что же вы еще хотите?

– Увидеть убийцу. Вы едете со мной?

– Ну, разумеется, – развел руками Суров.

Выяснить адреса докторов не составило труда, в полицейском участке знали обо всех жителях. Суров и Марго встретили там и «невежу в картузе».

– Как идут поиски? – поинтересовалась у него женщина. – Простите, запомнявала ваше имя с отчеством...

– Ардальон Гаврилович, – склонил голову тот. – Дело весьма сложное, ваше сиятельство, окутано множеством тайн, однако мы имеем надежду раскрыть его.

– Желаю удачи, – одарила его улыбкой Марго.

Суров помог ей сесть на лошадь и вскочил в седло сам с вопросом:

– Вы не считаете нужным рассказать приставу наши выводы?

– Зачем? – пожала плечами Марго. – В оборотней и вампиров Ардальон сам не верит, а коль верит, он тупица. Да и рассказывать ровным счетом нечего.

– Но это будет нечестно по отношению к следствию.

Она остановила лошадь, взглянула на него:

– Что же тут нечестного? У нас покуда нет сведений, одни предположения.

– Как нет? А то, что давнишний оборотень, возможно, жив и лечит его местный доктор? А то, что он барин?

– Тоже предположение, а их пристав не берет в расчет, – схитрила она.

– В любом случае вы... не сказали бы ему все равно, – произнес Суров с сожалением, давая понять, что раскусил Марго.

– Точно, не сказала бы. – Она даже не смутилась. – Мне интересно самой разобраться. Мы столкнулись с редкой тайной, а тайна так увлекательна. Вызнавать чужие секреты низко, недостойно, все равно что вмешаться в частную жизнь. Но тайны... К ним хочется прикоснуться, заглянуть в самую их глубину. И понять. Разве жизнь не есть вечное познание нового? Посмотрите, Александр Иванович, сколько нового мы узнали, лишь слегка соприкоснувшись с тайной. Во всяком случае, меня уже не напугаешь ни вампиром, ни оборотнем.

– Люди, Маргарита Аристарховна, бывают не менее страшны и жестоки. Вам не приходилось с подобным сталкиваться, поэтому в своих рассуждениях вы наивны. А куда заведет ваше познание тайны, вы подумали?

– Подумаю, когда тайна откроется. Едемте, полковник! Ой, я нечаянно оговорила. Знать, быть вам вскорости полковником. У меня легкий... язык.

– Я заметил, – усмехнулся Суров в усы.

Чем обезоружить мужчину и как заставить его выполнять женские капризы? Лестью. Графиня польстила ему, пророча скорый успех на службе, но польстила искренно, без кокетства. Разве можно на нее сердиться?

Посещение трех докторов не дало результатов – они даже не слышали о болезни, превращающей людей в подобие оборотней. Зато были в курсе жутких слухов и... верили в них.

– Поразительная дремучесть! – возмущалась Марго, которая до недавнего времени сама была полна сомнений.

– Мы неверно расспрашиваем, – вывел Суров. – Следует осторожно выведывать, ведь не исключено, что кто-то из них лечит оборотня. Или лечил. Покрывая его, доктор становится сообщником преступника, так как не знает о пристрастиях пациента он не может.

– Во-первых, не мы неверно расспрашивали, а я. Вы в основном молчали, – сказала Марго, раздосадованная неудачей. – Во-вторых, как их ни спрашивай, они все равно ничего не знают. Им не важны новые знания, они не имеют желания стать открывателями. А заметили, какое у них самомнение? Будто практикуют не в уездном городке, а лечат самого государя императора. Я бы таким докторам не доверилась. Но раз вы, Александр Иванович, недовольны моими допросами, то извольте, допрашивайте сами.

– Не сердитесь, я лишь хочу помочь.

– С чего вы взяли, что я сержусь? – пыхнула она, но тут

же и погасла. — Да, сержусь. Но не на вас. Я сержусь, потому что не люблю неясностей.

— Тайны, Маргарита Аристарховна, тоже не любят легко открываться. А вот и дом доктора Кольцова...

Хотя кабинет был опрятен, сам доктор не понравился Марго: седая голова, а нос сизый. Что может быть ужаснее доктора-пьяницы? Марго сразу потеряла интерес к Кольцову, заранее зная, что он скажет.

— Что привело вас, господа? — встретил их доктор учтиво. — Прошу садиться.

— Не пропишете ли, господин доктор, ее сиятельству микстуру от мигрени? — начал издавека Суров. Марго удивленно приподняла брови.

— А каков характер мигреней?

— Маргарита Аристарховна, доктор вас спрашивает, — обратился к ней Суров.

— Мигрени бывают... вот здесь, — ткнула указательный палец в свой висок она.

— Ну а сколь долго они длятся? В какое время суток случаются чаще? Вам становится худо на пасмурную погоду или же при переходе от ненастья к солнечным дням? — забросал ее вопросами доктор.

Видя растерянность спутницы, Суров догадался, что Марго незнакома с мигренями, посему выручил:

— Ее сиятельство мучают мигрени при переходе от ненастья к солнечным дням. Доктор, это опасно?

– Нет-нет, – заверил Кольцов. – Уже давно замечено, что на погоду не только ревматизм дает знать о себе, но и центральная нервная система у ослабленных людей. Я выпишу рецепты.

– Признаться, мы уж думали, что у ее сиятельства развивается непереносимость солнца, – сказал Суров. – Вы слышали о таком заболевании?

– Что вы, подполковник. – Доктор посмотрел поверх очков на Сурова, затем на Марго. – Это крайне редкое заболевание, врожденное, связано с порфириновым обменом. Во всяком случае, о приобретенном заболевании мне не доводилось слышать. Да только не солнца больные боятся, а дневного света. Ежели бы ее сиятельство страдала данной болезнью, то непременно с рождения.

– Неужели! – обрадовался Суров, встретив наконец образованного доктора. – А что за болезнь такая? Нельзя ли узнать подробнее?

– Подробнее? – Доктор откинулся на спинку кресла и постукивал пальцами по столу. – Пожалуй, я не готов объяснить вам, в чем суть. Скажу лишь, что недуг смертельно опасен для больного, который вынужден жить без солнечного света. В России о нем почти ничего не известно, соответственно и писалось мало. А вот европейские ученые сделали существенные открытия в данной области, ведут исследования. Коль вы так заинтересовались и дабы окончательно успокоить вас, я могу поискать статьи в журналах и книгах.

Приезжайте через несколько дней.

– Обязательно приедем, – заверил Суров.

– А вам, доктор, не доводилось встречаться с подобным недугом? – Марго надеялась, что он расскажет о местном больном.

– Нет, ваше сиятельство. Я же говорил, это заболевание редко.

Кажется, доктор не лукавил.

– Откуда же вы знаете о нем? Мы объехали местных докторов, ни один из них понятия не имеет, что это такое.

– К сожалению, большинство уездных докторов ленивы. Ну а ваш покорный слуга постоянно выписывает медицинские книги и журналы из-за границы. Чем же здесь еще заняться, как не самообразованием? Ежели бы мне попался такой больной, я бы не взялся его лечить, с моей стороны это было бы шарлатанством. Я бы посоветовал ему ехать за границу. Пусть не за лечением, но хотя бы для обследования. Раз нашли причину недуга, то и лечение отыщут в недалеком будущем.

Подполковник взял рецепты, щедро расплатился за визит и поспешил с Марго на улицу:

– Вы довольны?

– Представили меня развалиной... – упрекнула его она, но упредила извинения: – Да, я довольна. Мы теперь знаем, кого искать – человека, а не оборотня.

– Помилуйте, сударыня... – Суров хотел было вразумить

ее, но передумал. – К фельдшеру поедем?

– Зачем? Дипломированные медики не дали нам толковых ответов, у фельдшера знаний тем более нет. Но я обязательно приеду еще раз к Кольцову. Доктор очень мил, а мне любопытно узнать подробности о болезни, не копаясь в пыльных газетах брата.

Выехав за город, они пустили коней рысью, чтобы поспеть в усадьбу засветло. Однако опоздали, и, когда дорога пошла через лес, стало уже темно, пришлось перейти на спокойный шаг. Заодно появилась возможность обсудить, где оборотень может жить (решено было звать несчастного именно так).

– В одном из имений, – уверенно говорила Марго. – Убийства происходят в этом лесу, значит, его имение поблизости. Он – кто-то из наших соседей. Полагаю, родственники догадываются, кто убивает несчастных людей.

– Они не выдадут его.

– А нам надо всего лишь узнать, где он живет...

Марго вздрогнула – очень близко раздался вой. Вой был протяжный, неприятно резал ухо и длился чуть ли не вечность, вселяя в душу ужас. И вдруг смолк.

– Опять волк? – тихо произнесла Марго.

– Похоже, – вынимая револьвер, сказал Суров. – Где-то за кустами.

– Стойте! – вскрикнула она, когда он спешился и двинул к зарослям. – Умоляю вас, поедemте в Озеркино.

– У меня револьвер...

– Все равно не нужно туда ходить. Он же не напал на нас.

Суров вскочил в седло... в зарослях раздался громкий шорох. Подполковник выстрелил наугад, послышался глухой стон, шорох продолжался еще какое-то время, удаляясь.

– Кажется, я попал, – сказал Суров.

– Да, – отозвалась Марго. – В человека, а не в волка.

До усадьбы они добрались без других приключений.

Едва дождавшись, когда дом затих, Уваров сел в лодку и стал грести на голос. Он уже различал фигуру в светлом платье, как вдруг Шарлотта оборвала пение, некоторое время лишь весла, касаясь воды, издавали плеск. Пела она громко, а речь ее была тихой:

– Это вы, Михаил Аристархович?

– Я. Добрый вечер, мадемуазель Шарлотта.

– Плывите скорее, я жду вас.

Лодка очутилась на том же месте, что и прошлой ночью, девушка присела на корточки у самого края и рассматривала Уварова. А ему было мучительно вспоминать, как днем он хотел отказаться от свидания.

– Можно мне к вам в лодку? – спросила певунья.

– Прошу вас.

Шарлотта по-детски протянула руки, доверяя себя ему. Уваров отбросил правила, не позволяющие касаться мало-знакомых женщин, взял ее за талию и помог спрыгнуть в лодку. Девушка оказалась легкой, тоненькой, и пахло от нее

травами. Хотя, возможно, новыми духами, имитирующими аромат живой природы. Теперь они разглядывали друг друга настолько близко, что... Слава богу, никто их сейчас не видел, иначе репутация Шарлотты серьезно пострадала бы.

– У вас хорошее лицо, Михаил Аристархович, – сказала она. – Наверное, вы добры. Мне говорили, что незнакомым людям нельзя доверять, а вам я верю. Отчего, как вы думаете?

– Оттого, что у меня хорошее лицо, – улыбнулся он.

– Я всегда хотела попасть на середину озера...

– И сейчас хотите?

– Хочу. Очень.

Он усадил ее напротив себя, взялся за весла. Лодка заскользила по глади, и вот уже ее окружало пространство из воды, лунные блики, которые блестели и в волосах девушки. Шарлотта, мурлыча мелодию, склонилась над бортом, опустив руку в воду.

– Примерно здесь середина, – сообщил Мишель, перестав грести. – Вам холодно?

– Нет. Я люблю прохладу. – Шарлотта взялась за борта лодки и, перегнувшись назад, устремила взгляд в небо. – Боже мой, как здесь хорошо! И комаров нет. А на берегу их такое множество... Нянюшка заваривает травы и натирает меня отваром, чтобы они не кусались. («Вот, значит, что за духи у нее», – подумал Уваров.) Вы не знаете, почему в книгах пишут «голубой свет луны»? Она же желтая, иногда бывает

белая или красная...

– Не задумывался. Наверное, писатели так видят ее свет внизу. Спойте, мадемуазель Шарлотта.

– Не хочу, – оторвалась она от созерцания неба. – Я пою, когда мне хочется говорить, а не с кем. Давайте разговаривать?

– Извольте. О чем?

– Расскажите о себе. Кто вы? Давно здесь живете?

– С осени прошлого года. А ранее служил, воевал с турками.

– С турками?! Должно быть, это очень страшно. Турки – жестокий народ, я читала.

– Не скрою, всякое бывало. А вы давно здесь поселились?

– Меня привезли сюда маленькой, я нигде не была, ничего не знаю. А так хочется узнать мир.

– У вас есть сестры, братья?

– Кузен. Он живет у нас, более никого нет.

– А ваши родители, где они?

– Отца я не помню, он умер давно. А мать со мной в усадьбе. Она любит уединение и всегда ходит в черном. Ужасный цвет, не находите?

– Ваша матушка вдова, многие вдовы оставляют черный цвет в память о супруге, второй раз не выходят замуж.

– Все равно не люблю черное. Я часто делаю ей наперекор. Знаю, что поступаю дурно, а ничего поделать с собой не могу. Еще с нами живет брат матери, мой дядя. У него

скверный характер.

– И у вас гостит профессор де ла Гра. Мы познакомились с ним в лесу.

– Я бы не сказала, что он гостит. Де ла Гра часто уезжает, но неизменно возвращается, работает в лаборатории и не пускает туда никого. Признаюсь, я его боюсь. Он такой надутый, все время хмурится... Разве можно жить и хмуриться?

– Вам не очень нравится ваше окружение?

– А разве может нравиться одно и то же изо дня в день? – честно призналась она. – Из-за каприза моей матери мы живем затворниками, ни с кем не встречаемся. Думаю, она до сих пор не примирилась со смертью моего отца, и я ее понимаю. Но остальные при чем? Зачем всех держать в тюрьме? Пусть бы мы не ездили никуда, но почему к себе не приглашать гостей? Поэтому наш дом мрачен, в нем нет радости. Представьте, Михаил Аристархович, за столом, случается, никто не произносит ни слова. Молча едят и расходятся. Как такое может нравиться? Неужели подобным образом живут все?

Она замолчала, опустила голову.

– Почему вы замолчали? – через какое-то время спросил он.

– Я слишком много вам рассказала. Признайтесь, вы подумали обо мне дурно?

– Отнюдь. А вы не пробовали поговорить с матушкой?

– Пробовала, – вздохнула Шарлотта. – Она считает меня

капризным ребенком. А ведь мне двадцать один год. Разве я ребенок?

– Совсем чуточку.

– Скажите, а как у вас заведено?

– С тех пор как приехала сестрица Марго, в усадьбе все пошло вверх тормашками. Но у меня есть еще одна сестра, она тоже замужем, живет в Москве. Есть младший брат, он находится на службе при дворе Его Императорского Величества. А ближе всех мне Марго. Она похожа на ураган, любознательна, деятельна, никому не дает и минуты посидеть в покое.

– Должно быть, вам очень весело с ней.

– Да уж, грустить не приходится. Она умеет заставить всех любить то, что любит сама, при том никакого насилия не проявляет. Все происходит как бы само собой. Едва она увидела мою террасу, сразу решила играть спектакль. Заставила учить роль даже меня, а я не имею способностей, и Марго сердится. Но моему другу, он тоже гостит у меня, удалось избежать экзекуции, он отдал в руки сестры денщика и двух поручиков.

– Спектакль... – мечтательно произнесла Шарлотта. – Это когда люди представляют себя другими людьми, а все на них смотрят?

– Верно.

– Я никогда не видела спектакля, только читала, как все происходит.

– Ежели я вас приглашу на наш спектакль, вы приедете?

– Меня не пустят. – На глаза Шарлотты навернулись слезы.

– А вы хотите?

– Что за вопрос! Конечно, хочу. Очень.

– Марго пришлет приглашение де ла Гра... – задумчиво произнес Уваров. Ему не терпелось познакомить сестру с Шарлоттой, к тому же это был повод увидеться в непринужденной обстановке. – Знаете, я пошлю к вам с приглашением Марго. Уж ей отказать еще никому не удавалось. Думаю, не под силу будет и вашей матушке.

– Да, пошлите! – воскликнула она. – Я вам буду очень признательна!

Время промчалось, словно одна минута. Шарлотта затопилась домой – ведь если ее хватятся, будет переполох. Прощаясь, Уваров взял ее ладонь в свою и не отпускал. В предраассветных сумерках лицо Шарлотты было необыкновенно – глаза темные, губы яркие, черные брови и ресницы, а кожа фарфоровая. При всем при том она не имела схожести с куклой.

– Мне пора, – напомнила девушка. Но не уходила, словно Уваров должен сказать ей: уходи, а это невозможно. – Следующей ночью... Мы увидимся?..

– Если вы хотите.

– Хочу, – живо откликнулась Шарлотта. – Мне, правда, нельзя более оставаться. И вы уплывайте, вам не принесет

удовольствия знакомство с моими родными.

Уваров поцеловал ее пальцы, Шарлотта спрыгнула на берег и легко побежала к аллее, ведущей к усадьбе...»

Прошло полмесяца, постепенно стирались впечатления о маньяке и его жертве, иногда даже казалось, будто кошмара вообще не было. Но каждый день о себе напоминали Артем и парни, один из которых дежурил в магазине, изображая продавца. София всякую свободную минуту пополняла недостающие знания, благо, книг вокруг было море, а дома стучала по клавиатуре ноутбука. Борису, конечно, не сказала о своем замысле – неловко выставляться писателем, у которого не написано еще ни одной книги, к тому же неизвестно, издадут ли. Если все сложится удачно, она поставит его перед фактом.

Муж заметил перемены и не пришел от них в восторг. Застав ее в очередной раз за ноутбуком, озадачился:

– Где ужин?

– Извини, я заработалась... – дописывая фразу, ответила она, даже не подняв на него глаз. – Сейчас что-нибудь придумаю.

И не тронулась с места, словно в ту же минуту забыла об ужине. Борис упал в кресло, но сел на книгу, вынул ее, пролистнул медицинский том, поднял плечи к ушам. Возмущение его росло, но он не стал переводить его в конфликт. Только поинтересовался:

– Что ты делаешь?

– В смысле? – захлопнув крышку ноутбука, повернулась к нему София.

– Что за работа? – указал он на компьютер. – Ты же продавщица.

София отправилась на кухню, бросив:

– Консультант. Я помогаю покупателю найти нужную книгу, заодно слежу, чтобы он не совершил кражу.

– Ммм... Так ты сторожика? – последовал за ней Борис с кислой миной. – Моя жена сторожика и продавщица...

– Называй как хочешь, мне нравится моя работа.

– А мне не нравится оставаться без ужина. Интересно, за чем продавщице компьютер?

– Мне поручили составить комментарии к книгам моего отдела, – солгала, не моргнув глазом.

– Ко всем?!

Ого, кажется, она перебрала с враньем. Но не смутилась:

– Нет, конечно. Боря, я в твой бизнес не лезу, оставь и ты мою работу в покое, ладно?

Немногим ранее София не была бы столь миролюбивой, безделье с однообразием делали ее нетерпимой и слезливой. А теперь появилась мечта, может, и глупая, но это увлекательный способ занять себя, а также погрузиться в другой век, историю, нравы. Что до Людоеда... скорей всего, он улетел из города за новым «обедом» куда-нибудь в Сибирь. Кажется, и в милиции уже потеряли надежду, что он объявится и кинется обглаживать косточки Софии. Короче, вон его из

головы, сейчас она приготовит ужин...

– Странно, странно, – пробормотал Борис, в упор разглядывая жену.

– Что ты имеешь в виду? – загремела она сковородками.

– Ты изменилась, не пойму только, в какую сторону. – И вдруг на Борю нашел приступ мотовства: – Бросай возню, мы едем в ресторан.

Неохота тратить вечер на пустое сидение в ресторане, а отказать – Борька вообразит неизвестно что. С другой стороны – на готовку уйдет время...

– Сейчас переоденусь. – София улыбнулась и ушла в спальню. Прежде всего набрала номер Артема и доложила: – Мы с мужем едем в ресторан.

– В какой?

– Борь, в какой мы ресторан едем? – крикнула она.

– В китайский, – ответил муж.

София переделалась в нарядное платье, не забыла повесить на шею трубку и выбежала в прихожую. Боря ждал ее, опершись спиной о стену и скрестив на груди руки. Причем с довольно пресной физиономией, будто ему тоже не в кайф им же задуманный «выход в свет». Нелепую деталь, разумеется, заметил:

– А это еще что? Кстати, не твой телефон. Откуда он?

– На работе выдали, оплачивают связь.

– Хм, не повод, чтобы носить его сутками на шее. Сними. Не спорить же из-за такой ерунды! Пожав плечами, мол,

нет проблем, София бросила трубку в сумочку. На площадке встретили соседку Мирру, которая открывала дверь своей квартиры.

– Привет! – заулыбалась та.

Софии вспомнилось вдруг: один армянин как-то назвал Мирру конфетой. В сущности, так и есть, она из породы сладких женщин.

– Сонечка, почему не заходишь?

– Дел полно, – ответила она тоже с улыбкой (иногда они коротали вдвоем время за чаем). – Обязательно зайду.

Официант отодвинул стул, София, садясь, упрекнула мужа:

– А ведь ресторан-то не китайский.

– Какая разница? – недоумевал Борис. – Зато ближе к дому. А что тебя не устраивает?

– Все устраивает, – с легким вздохом произнесла она.

При нем не позвонишь, а уйти Борька не давал, завалив ее уши скучными новостями о бизнесе. Стоит Софии отвлечься, он надуется – не любит, когда она прерывает на середине, а конца его рассказам все не было. Украдкой она осмотрелась: ресторан большой, народу мало. Ладно, неплохо уже потому, что люди на виду – маньяка не заметить нельзя. Но узнает ли его София? Вопрос быстро вылетел из головы. Постепенно она увлеклась ужином и вином, танцевала с Борисом, что случалось редко. Ах да! У него же что-то там удач-

но склеилось, он в отличном расположении духа. Во время танца она все же спросила:

– У тебя не появилось новых знакомых или работников?

– Знакомых? – не придавал значения ее вопросу он. – Ну, если деловые встречи считать знакомством, то да. А на предприятии текучка.

– Текучки у хороших руководителей не бывает.

– У меня она именно потому, что я хороший руководитель, – шутливо сказал Борис, к счастью, не обидевшись, обычно-то он обижается на всякую ерунду. – Соня, люди ленивы, вороваты...

– По-моему, это распространенное заблуждение. Ленивые и вороватые не создали бы кучу шедевров, не сделали бы открытий.

– Ты говоришь об исключениях.

– Борь, я покину тебя на минуточку, угу?

– Конечно. Заказать еще вина?

– Да... Хотя нет. Мы и так много выпили.

Дамская комната отвечала шику ресторана, состояла из двух отделений, имела все принадлежности для гигиены, включая ненужные. София пришла сюда позвонить Артему, но вдруг повернула к зеркалу: ее привлек собственный образ – что-то появилось в нем незнакомое. У, как прав папа! Выглядит не очень. Вроде бы все на месте, а что-то пропало – это и есть новое в ней. Пора прическу менять, а то ходит с распущенными волосами до пояса, как девчонка. И челка...

Солидности нет, глаза потухли, лицо выражает скуку. Разве можно с таким лицом писать книгу? И что можно написать с неверием в свои способности? А ведь, кажется, до сих пор не верила.

– Все равно напишу! – твердо заявила отражению София и прошла во вторую комнату к кабинкам.

В одной из них, закрытой, кто-то странно ерзал. София вдруг услышала звук, похожий на хрип и стон одновременно. Мелькнула мысль, что в кабине занимаются сексом. Нашли место! Только она хотела войти в соседнюю кабинку – раздался kloкочущий хрип. Или сдерживаемый стон. Пожалуй, не мешает отрезвить любовников.

– Эй! Что случилось? – громко сказала она.

Хрипы стали более отчетливыми. То ли там торопились, то ли... Да нет там никакого секса! Тогда что? А если женщине стало плохо и она таким образом обращает на себя внимание? Как нормальный человек, которому воспитание не позволяет оставить человека без помощи, София подошла к кабинке, из которой доносились несуразные звуки, постучала:

– Простите, у вас проблемы? Вам помочь?

И опустила голову на новый звук – из-под дверцы выползла босая женская нога. Неосознанно София дернула дверцу...

Между унитазом и стеной скорчилась молодая женщина, ее шея, грудь, одно плечо с рукой были залиты кровью, по телу проходили судороги.

Вдруг полная неожиданность – в туалете полностью погас свет. София подняла руку к груди, ища телефон... но он же в сумке, а сумка на стуле в зале... Шорох!

– Кто здесь? – вскрикнула София, но так глухо и слабо, что сама не услышала.

Продолжение

«Днем его хватало кое-как отговорить текст роли, оправдываясь перед сестрой, что не могут все подряд иметь актерские способности, он и так превзошел себя. На что Марго сказала: он играет хуже денщика. Мишель только хмыкнул, мол, ну и что?..

Оставшуюся часть дня Уваров спал, забросив хозяйство, которым тоже занялась Марго. Она же с приглашениями на спектакль и соседей объезжала в сопровождении Сурова. День премьеры назначили, суеты прибавилось. Нужно было позаботиться о шампанском и освещении (спектакль начнется после захода солнца, чтобы создать атмосферу театра), приготовить места в «партере» на лужайке. Возникло множество других хлопот – гостей ожидалось немало. Как Марго успевала все?

Мысли Уварова были заняты Шарлоттой, но он заметил, что сестра и Суров часто уединяются. Улучив момент, когда остался с Марго наедине (она как раз собиралась ехать в го-

род), Мишель устроил ей небольшой допрос:

– Между тобой и Сашей секреты?

– Секреты? – невинно захлопала она глазами. – С чего ты решил?

– Наблюдения. Вы все время вместе, о своем брате ты позабыла. Иногда мне кажется, я вам мешаю.

– Как тебе такое в голову пришло, милый? Хорошо, признаюсь, раз это тебя задело. Мы с подполковником готовим сюрприз. А что ты вообразил? Уж не думаешь ли... Ах нет, ты не способен плохо думать о своей сестре! Или мне надобно закрыться в комнате и не выходить оттуда? Уволь, подобное не для меня.

– Марго, я всего-то поинтересовался...

– Все, все, все! – взяла она его за руки. – Не будем ссориться, я не люблю. Постой, а что у тебя с ладонями? – Она подняла по очереди руки брата, на лице ее обозначилось недоумение. – Мозоли? Откуда?

– Я иногда работаю... – стушевался Уваров.

– Где? Когда?

– На сеновале, – сказал он первое, что пришло на ум. – Сено вилами... перетряхиваю.

– Ни разу не видела тебя с вилами.

– Ты слишком много времени проводишь с Суровым, поэтому не видела, – нашелся он, обнял сестру за плечи. – Марго, мужчине полезно потрудиться до мозолей, он начинает ценить чужой труд.

– Не понимаю... – протянула она. Сигнал был опасный, сестра могла заняться проблемой, откуда взялись мозоли, вплотную. – Ну ладно. Извини, мы с подполковником едем в город.

– Опять с Суровым, – вздохнул брат. – Ты неисправима.

– Не ревнуй, – чмокнула она в щеку Уварова.

Цель поездки – доктор Кольцов. Марго села в экипаж – в амазонке можно задохнуться и умереть от перегрева, а в скромном батистовом платье безумной стоимости, хоть и в корсете, и с ужасным турнюром сзади, легче. Вторая причина поездки – покупка всяких мелочей для спектакля и заказ у портнихи платья для Анфисы, ведь не может же главная героиня появиться в конце водевиля в одежде горничной. Разумеется, поехала и Анфиса. Суров сопровождал экипаж верхом, косился на Марго, а она ехала под зонтиком и сосредоточенно о чем-то думала.

– Что вас озаботило, Маргарита Аристарховна? – не выдержал он непривычного молчания.

– У Мишеля на ладонях мозоли! – встрепелась она.

– Что же тут ужасного? – не понимал Суров.

– Не знаю... Он сказал, будто трясет вилами сено, но при этом смутился. Вам не кажется, что он говорил неправду?

– По-моему, это его дело, трясти сено или...

– Что – или? – строго посмотрела на него Марго. – Вы знаете истинное происхождение мозолей?

– Мне он ничего не говорил.

– Прощу простить меня, барыня, – неожиданно заговорила Анфиса, – но однажды я вышла на террасу за словами, хотела повторить роль, и увидала, как барин садились в лодку.

– В лодку? – распахнула в удивлении глаза Марго. – За чем?

– Они катаются по ночам, – ответила Анфиса.

– Один? – не верила Марго.

– Один. Катаются по озеру до утра. А знаете, какие от весел мозоли бывают? До крови! Честно-честно.

– Маргарита Аристарховна, – взмолился Суров, – не будем устанавливать слежку за Мишелем. Ведь чужой же секрет, хоть он и ваш брат.

– Не будем, – пообещала она.

Но по тому, *как* пообещала, Суров понял: дело Уварова плохо.

Портниха и магазины заняли массу времени, Суров успел и в полку побывать, и прождать битых три часа, пока Марго опустошала магазины. Засыпав экипаж покупками, двинулись к доктору Кольцову.

– Очень рад, господа, – радушно встретил их тот. – Как самочувствие, ваше сиятельство?

– Микстуры помогли, – соврала Марго, краем глаза заметив ухмылку Сурова, а ведь врать научил ее он. – Благодарю вас.

– Вы обещали подробности той болезни, – напомнил Суров.

– Помню, – закивал доктор. – Только болезнь-то не одна, их целая группа со схожими симптомами. Некоторые формы весьма ужасны, приносят больному невыносимые страдания. Суть вот в чем. Человеческий организм не может сам произвести основной компонент крови – красные тельца, что отражается на дефиците железа и кислорода в крови. Как следствие – в крови и тканях при солнечном излучении начинается активный распад гемоглобина. Часть гемоглобина превращается в токсичное вещество и разъедает подкожные ткани. К сожалению, данное заболевание неизлечимо.

– Вы сказали «схожие симптомы», – подала голос Марго. – И что за симптомы?

– Ежели вы, ваше сиятельство, полагаете, будто они есть у вас, то успокойтесь, даже внешних признаков не имеется, – ответил он. – Например, бледная кожа. А у вас прекрасный цвет лица, здоровый. К тому же вы не смогли бы находиться на свету. Солнечный свет у таких больных вызывает ожоги на коже и даже приводит к смерти, поэтому они вынуждены прятаться от него. Кожа больных сверхчувствительна, всякий удар легко ранит ее, раны долго не заживают. К тому же часты боли в теле, особенно в животе. При данном наборе симптомов больные страдают нервическими расстройствами, вынуждены жить затворниками.

– А другой свет влияет на таких людей? – спросил Суров.

– Нет, только солнечный. Даже тусклый дневной свет.

– Как называется болезнь? – поинтересовалась Марго.

– Поскольку активные исследовательские работы по изучению сей группы заболеваний ведутся только с середины нашего века, то название пока условное. Их называют порфириями, или порфирия, когда есть конкретный случай. Порфирины участвуют в образовании кровяных телец – отсюда и название, а у больных этот обмен нарушается или отсутствует вовсе.

– Скажите, доктор, а такие признаки: красные глаза, скрюченные пальцы, чрезмерная волосатость, красные зубы – они от того же заболевания?

– Безусловно. Но это крайне тяжелая форма, встречающаяся еще реже. В работах профессоров Шульца и Шерера описаны два подобных случая. У больных кожа вокруг губ и десен становится жесткой и высыхает, отчего выступают резцы, появляется оскал, похожий на волчий. На зубах наблюдается отложение порфирина, оттого они приобретают красный или красно-коричневый цвет. В процессе болезни деформируются сухожилия и хрящи, отсюда скрюченные пальцы. Пожалуй, я рассказал вам все, что мне удалось прочесть. Но какова человеческая мысль, а, господа? Проникает в самые глубины, разделяет на составные даже кровь!

– А не явилась ли сия болезнь причиной возникновения мифов об оборотнях? – осведомился подполковник.

– Оборотни? – Доктор задумался. – Ликантроп в древности, лу-гару во Франции, вервольф в Германии и Англии... Человек-волк. По свидетельским описаниям, в Средние ве-

ка больных порфириями казнили на кострах инквизиции. И немудрено – эти люди панически боялись света, их внешность вселяла ужас, а если присоединить сюда нервные заболевания – перед нами готовый образ дьявола или оборотня. А по мне, так больные порфириями более похожи на вампиров. Кстати, как и вампиры, они не переносят чеснок. Не знаю-с, возможно, эти больные и послужили прообразом... не берусь судить. Но врачи Средневековья были гуманнее инквизиции, считали таких людей именно больными.

– Я слышала об одном случае, – подхватила Марго. – Однажды на подобного больного плеснули святой водой, и он ужасно страдал.

– Да нет тут ничего мистического, ваше сиятельство, – рассмеялся доктор Кольцов. – Многие больные верили в то, что они оборотни, отсюда и страх перед святой водой. Больше скажу, некоторые отведывали и человеческой крови.

– Господин доктор, вы давно здесь практикуете? – спросила Марго.

– Давно, уж тому лет двадцать.

– Тогда вы наверняка слышали о странных убийствах в те времена. Кто-то перегрызал горло людям...

– Не только слышал, но и сам делал медицинское заключение.

– Убивал человек? – напрямую спросила Марго.

– Да, ваше сиятельство, убивал человек.

– А как вы определили? В те времена ходили слухи об

оборотне.

– Видите ли, жестокость еще не повод приписать убийство фантастическому существу. Ряд признаков подсказал, что убийство – дело человеческих рук. Вернее сказать – зубов.

– И что за признаки? Мне не представляется возможным определить, что человека загрыз человек, а не волк, к примеру.

Доктор несколько удивился столь неожиданным интересом молодой женщины, да еще графского роду-племени. «Впрочем, куда только не ведет скука...» – подумал он и стал объяснять:

– По характеру укусов. У человека рот значительно меньше волчьей пасти, зубы располагаются полукружьем, а у волка челюсть выдвинута далеко вперед, соответственно и зубы имеют свои особенности, которые зверю необходимы в природе. Далее, учитывается наклон зубов и, наконец, отпечатки тех же зубов. У человека два передних зуба крупные, широкие. У волка, сударыня, они мелкие и длинные.

– Неужели все было видно на горле? – не верилось Марго.

– Разумеется, ваше сиятельство. Третье: на телах убитых обнаружены следы пальцев, ведь убийца удерживал жертву, чтобы та не вырвалась. А человеческие пальцы – не волчьи лапы. Так что миф об оборотне я развенчал уже после первого осмотра.

– А сейчас? Сейчас тоже находят убитых людей, но у

них...

– Ваше сиятельство, почему вас это интересует? – все же одолело любопытство доктора.

– Потому что трупы находят неподалеку от имения моего брата Озеркино. А недавно мы выловили девушку из озера, она была убита. Мне страшно.

– М-да, слышал. Все убиты острым предметом, на шее по два глубоких прокола. Но более мне ничего не известно.

– Тогда, в прошлом, убийцу нашли? – подал голос Суров.

– К сожалению, нет, – развел руками Кольцов. – Убийства начались внезапно, но так же внезапно и прекратились.

– А вам не кажется, доктор, что и тогда, и теперь... действует один человек? – спросила Марго. – И что у него та самая болезнь... порфирия?

– Все может быть, – не стал спорить Кольцов. – В нашем тихом месте последнее время весьма беспокойно. Люди ожесточаются, что к добру не приведет. Не так давно ко мне пришел раненый человек – в него стреляли в лесу, причем, представьте, без повода. Как можно палить в человека, тем более без повода? Я вынул пулю...

– Вы позволите взглянуть на нее? – оживился Суров.

Доктор подошел к шкафчику со стеклянными дверцами, где царил идеальнейший порядок, сунул руку в глубь полки, затем протянул пулю Сунову, который взял ее с вопросом:

– Когда приходил к вам раненый?

– Ночью. Вечером вы у меня были, а он ночью пожаловал.

– Кто он? Откуда? Поверьте, у меня не праздное любопытство, доктор.

– Видите ли... – нахмурил тот седые брови. – Он позвонил в дверь среди ночи. Когда я открыл... ему стало совсем плохо от потери крови... Тут уж было не до выяснения – кто таков да откуда. Я вынул пулю, зашил рану и оставил его на кушетке. А утром его уже не было.

– Вы заявили в полицию?

– Нет-с. Полагаю, он сам должен заявить.

– Вы неосмотрительно поступили, – упрекнул его Суров. – Возможно, тот человек преступник, потому и прятался в лесу. Как он выглядел?

– Да нет, вполне приличный человек. На нем была дорогая одежда, хорошего качества, но поношенная, я ведь помогал ему раздеться. А внешность его мне не запомнилась. Поймите, мой долг помочь пациенту, а потом уж... Только потом он ушел.

– Ну хоть опишите основные черты, – пристал Суров.

– Высок, худ, лет ему... за тридцать или около сорока... лицо удлинненное, волосы темные... Более мне нечего вам сказать, подполковник.

– А откуда пулю вынули?

– Из плеча, – показал Кольцов, приставив палец к своему плечу. – Застряла в тканях, знаете ли, не порвала сухожилий и не пробила кость. Видимо, по пути прошла насквозь преграду, например, небольшое деревце.

– Вы разрешите взять пулю? Надеюсь, мне удастся отыскать и руку, стрелявшую в вашего пациента.

– Берите, берите, – замахал руками тот, решив избавиться от пули.

Доктор отказывался от денег за прием, мол, он ведь не занимался лечением, но подполковник уговорил его взять. Садясь в экипаж, Марго забросала Сурова вопросами:

– Зачем вам пуля, Александр Иванович? Охота вам было мучить доктора из-за какого-то невежи, не поблагодарившего за спасение? Что вы увидели дурного в поступке доктора?

– Эта пуля из моего револьвера. Трогай! – приказал кучеру Суров, запрыгнув в седло.

Марго тихонько пробралась на балкон. Она намеренно надела темное платье, чтобы слиться с ночью, и ждала. Шаги заставили ее не дышать, хотя никто не мог заметить шпионку на балконе. Марго увидела фигуру брата, он сел в лодку и вскоре растаял в темноте.

– Сегодня совсем темно, я почти вас не вижу, – сказала Шарлотта, когда они доплыли до предполагаемой середины озера.

– Потому что нет луны. Но у меня с собой лампа.

Уваров взял со дна лодки ручной фонарь, чиркнул спичкой, и задышал робкий фитилек за стеклом, давая слабый свет. Фитилек становился ярче и выше, стало неплохо видно

даже воду у бортов лодки.

– Чудесно, – радовалась Шарлотта. – Почему вы раньше не брали фонарь?

– Он всегда со мной, но я забывал о нем. Мадемуазель Шарлотта, почему бы нам не встретиться днем?

– О, что вы! – рассмеялась она. – Меня никуда не выпускают. Днем я сплю, чтобы поменьше с родными встречаться. Зато ночью... ночью я свободна, потому что они спят. Я люблю ночь, особенно летом. Зимой холодно, но я все равно выхожу. Снег при луне дивно прекрасен, и так светло кругом!

– А причины? Почему к вам относятся столь строго?

– Я же говорила: моя мать... она всех заперла в тюрьму. Иногда мне кажется, она ненавидит меня, иногда наоборот. В детстве я боялась ее, честное слово. Когда она приходила ко мне, у меня замирало сердце, я ждала, что вот-вот произойдет невыносимо страшное событие и мы все умрем.

– Вы боитесь смерти?

– Конечно. Смерть – это когда ничего нет. А я хочу быть. Потом, став старше, я перестала бояться матери, поняла, что она очень несчастна и делает несчастными других. Но она так поступает не нарочно, просто так получается, поверьте мне. Только мне не хочется быть несчастной.

– Вы ее любите?

– Должно быть, раз понимаю. Но я поступаю эгоистично – оставила день им, а себе взяла ночь. Мне никто не нужен

был, пока не узнала вас. С вами хорошо.

– Вы меня напугали. Боюсь, ваша матушка не пустит вас к нам на спектакль, а он состоится через три дня.

– Я приеду, – заверила Шарлотта. – Только бы ваша сестрица... прорвалась к нам. Ох, трудно же ей придется...

– Она завтра же поедет к вам, обещаю.

Шарлотта поставила локти на колени, а на сцепленные в замок руки уложила подбородок и, наклоня голову то в одну сторону, то в другую, рассматривала с улыбкой Уварова. Вдруг она вскочила и пошла к нему. Лодка закачалась, Уваров успел поймать девушку за руки, усадил рядом, укорив:

– Вы могли упасть в озеро...

– Вот было бы славно! Я же не умею плавать, – рассмеялась Шарлотта.

– Да что же тут славного?

– Вы бы спасли меня, а я была бы благодарна вам всю жизнь. – Она перестала смеяться, провела ладонью по его лицу. – Можно я буду звать вас Мишенькой?

Уваров видел только ее глаза и губы. Вместо ответа последовал поцелуй. Мишель зажмурился, потому что кружилась голова.

Подсадив сестру на Ласточку, Уваров наставлял ее:

– Сделай все, чтобы увидиться с хозяйкой усадьбы. Задача почти невыполнима.

– Не для меня, – обнадежила Марго и наклонилась к бра-

ту с неожиданным вопросом: – Ты не знаешь, какой кретин придумал дамское седло?

– Марго, я прошу тебя, добейся согласия...

– Они приедут. Не доверяешь, ехал бы сам. Подполковник, вы готовы?

– Я к вашим услугам, – подъезжая к ней, ответил Суров, глядя в небо. – А погода портится. Успеть бы...

Оба поскакали рысью, только пыль взметалась из-под копыт. Предстояло объехать озеро – путь длинный. Очутившись в лесу, Марго крикнула:

– Александр Иванович! Стойте!

– Что случилось? – развернулся он.

– Да, собственно, ничего. Куда вы так несетесь?

– Плечо, сударыня, оно не врет. Дождь будет.

– Прошлый раз у вас ныло плечо за день, значит, дождю быть не скоро. Я полночи не могла заснуть, а поговорить нам не удалось. Как думаете, кого вы ранили?

– Ах, вон вы про что... Я стрелял в волка, а попал в человека.

– Не в простого человека, – возразила она. – Он был как волк.

– Вы уверены? – заглядывая ей в лицо, спросил Суров.

– Полностью. Посудите сами, Александр Иванович. Вспомните: сначала *очень близко* завыл волк, потом *оттуда же* послышался шорох. Вы выстрелили, мы слышали стон, больше ничего. Ни рыка, ни воя... Почему волк, почу-

яв кровь, не напал на него? Да не было там никакого волка! Там был только человек. Теперь далее. Коль он преступник и прятался в лесу, то должен был тихо сидеть, пока мы не проедем.

Суров воспринимал Марго как прехорошенькую взбалмошную особу, но то, что у нее есть еще и логический ум, для него явилось открытием.

– Зачем он выл? – вырвалось у Сурова, а надо было бы утверждать, будто и он о том же думал, дабы не уронить своего достоинства в глазах дамы.

– Вот! – прищурилась она. – В том-то и загадка. Я подозреваю, что и в день моего приезда изображал волка тоже он. Раз он так делает, у него есть цель. Какая?

– Надеюсь, вы уже знаете, – растерялся он.

– Огорчу вас: я не знаю.

Суров повеселел. А то уж он подумал, будто Марго ясно-видящая.

Верхушки деревьев под порывами ветра издавали шум, но внизу было более или менее спокойно. И облака мчались с быстротой того же ветра. Суров надеялся, что они пронесутся мимо и прольются дождем далеко.

– Я связывала вой волка с оборотнем, – рассуждала Марго. – Коль тот сумасшедший представлял себя волком, он и должен быть по-волчьи, устрашая людей. И когда те встречались ему, то не способны были сопротивляться, их одолевал ужас.

– Откуда вы знаете?

– Вовсе не знаю. Просто представляю себя на месте оборотня и на месте несчастных, попавших ему в руки. Но теперь человек, которому доктор вынул пулю, спутал все карты. А вдруг он и есть убийца?

– Но тому оборотню должно быть по меньшей мере лет пятьдесят, а я выстрелил в человека, которому, как выяснилось, нет и сорока.

– Может, семнадцать лет назад оборотню было чуть больше двадцати, тогда сейчас ему примерно сорок...

– Позвольте с вами не согласиться. Раненый мужчина ушел от доктора, когда рассвело, выходит, он не боится света. И по описаниям доктора раненый не похож на оборотня.

– В том-то и дело, Александр Иванович! – остановила лошадь Марго.

– Я не могу утверждать, что ранил убийцу. Оснований нет. Скорее всего, Маргарита Аристарховна, это два разных человека.

– Но он был по-волчьи, – упрямо повторила молодая женщина. – И был в барской одежде, как давнишний оборотень. Однако мы знаем, что он ранен... У нас будут гости из всех усадеб, надеюсь, мы узнаем его.

– Как вы узнаете? Не заставите же раздеваться всех мужчин?

Она ехала некоторое время задумавшись, вдруг просияла:

– Очень просто! Мы пригласим на водевиль доктора Кольцова...

Сверкнула молния, ударил раскат грома, почти сразу зашелестела листва под тяжелыми каплями. Суров предложил:

– Едемте назад, Маргарита Аристарховна?

– Ну уж нет. Гроза – прекрасный способ проникнуть в тот дом. Я выполню задание Мишеля. Да и большую часть пути мы уже проехали.

– Постойте... – Суров снял китель и набросил на плечи Марго. – Отговаривать вас бесполезно, а я не хочу, чтобы вы простудились. Вперед!

Понеслись во весь опор, обгоняя раскаты грома, а ливень полил сплошной стеной. Теперь точно деваться некуда – в лесу негде спрятаться, да и опасно, молнии часто попадают в деревья, а то и в людей.

Усадьба была огорожена высокой оградой из железных прутьев, дом стоял вдалеке, а вокруг него неухоженный сад. Суров звал, свистел – все было без толку. Потеряв терпение, он просунул руку сквозь решетку, нащупал задвижку и отодвинул. Взяв своего коня и Ласточку под уздцы, ввел их во двор, направляясь к дому. Из особняка выбежал пожилой человек в ливрее, замахал руками:

– Барыня не принимают-с...

– Ты, скверная харя, и твоя барыня совсем ополоумели? – зарычал на него Суров. – Ее сиятельство промокла. С дороги!

Подполковник помог слезть с лошади Марго, затем оттолкнул оторопевшего лакея и распахнул дверь. Марго вошла в особняк, следом Суров, за ними семенил лакей, плаксиво умоляя путников уйти, а то барыня «заругается».

– Пшел вон! – бросил ему через плечо Суров, озираясь.

Надо полагать, они попали в гостиную. Сумрачно, никаких излишеств, нет и уюта, лишь порядок и мрак, освещаемый свечами. Раскаты грома сюда почти не доносились. Почему? Марго заметила, что окна закрыты тяжелыми шторами, однако шторы не объясняли поразительной тишины. В камине потрескивали дрова, одно это и подтверждало, что здесь живут люди...»

Артему не дозвонились вечером – накануне он уехал в деревню, а там связь, случается, пропадает. Но утром он лично осмотрел женский туалет, в котором произошло убийство. Здесь ничего не трогали. А ведь кое-что пропустила вчерашняя группа! Пришлось вызвать криминалиста. Потом он опросил всех, кто мог видеть убийцу или хотя бы подозрительных людей, показал фоторобот. Пусто. В общем-то Артем не надеялся на удачу, которая отличается неверностью. Однажды она, как блудливая жена, изменит и преступнику, но когда еще это будет...

В книжный магазин Артем попал к концу рабочего дня, созвонившись предварительно с подшефной. Та сидела на стуле, уложив ногу на ногу и переплетя их, руками держалась за сиденье, втянув голову в плечи и задумавшись. На шаги Артема, а поступь у него тяжелая, София лишь подняла глаза, в них слабо мелькнула надежда. Проходя мимо стула у стены, не взглянув на него, Артем одной рукой подхватил его за спинку и поставил напротив Софии, сел, широко расставив ноги и положив локти на колени. София нервно хлопала ресницами, ожидая, что он скажет.

– Почему ты оказалась не в китайском ресторане? – спросил он.

– Так захотел муж, – потупилась она, чувствуя себя вино-

ватой. — Для меня это было неожиданностью, а позвонить при нем не могла.

— Ты должна была позвонить.

— И что было бы? Думаешь, это он, тот самый, сделал? Нет, невозможно... Откуда ему знать, куда поедет мой муж? Хочешь сказать, Людоед пришел вслед за нами, хотел убить меня, но обознался? В туалете было светло, спутать меня с другой женщиной... Почему ты молчишь?

— Расскажи, как все было, — потребовал Артем, не ответив ни на один ее вопрос.

София шумно вдохнула носом и за пять минут пережила вчерашний кошмар заново. Артем принялся уточнять:

— Ты спросила: «Кто здесь?» Что потом? Подробней.

— Я слышала возню в кабине. Очень короткую. Потом хлопнула дверь. Мне показалось, кто-то вошел... А женщина ужасно хрипела... Мне было страшно, я закричала... Не знаю, сколько кричала, но потом снова вспыхнул свет, вбежали люди... Приехала «скорая», милиция. Но женщина уже умерла. Она так на меня смотрела... Никогда не забуду!

У Софии задрожали губы, и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, она отвернула лицо в сторону. Машинально Артем поворачивал браслет часов на запястье, глядя как бы в пустоту. Он был обращен в себя, что-то обдумывал. София нетерпеливо заерзала, ей хотелось убедиться, что убийство женщины не имеет отношения к ее посещению ресторана.

— Почему ты молчишь?

– Думаю, почему он не тебя убил, а случайную женщину.

– Все-таки, считаешь, он?

– Он, он, – закивал Артем. – И все то время, что ты была в туалете, он находился там же. Погасил свет и ушел.

– Нет... – протянула София, потирая руками плечи, по которым забегали мурашки.

– Да, – вяло сказал Артем.

– Не было там никого, когда я вошла...

– Он завернулся в штору. Зачем ему было заворачиваться? Подумай. Я думаю, он либо шел к выходу, либо хотел руки вымыть, а тут дверь открылась и ты нарисовалась. Он видел тебя. Людоед вытер руки о штору. Вчера этого не заметили, потому что пятна внизу штор красного цвета.

– Но... – София растерялась. – А как ты определил, что там был именно он, а не другой человек?

– Он всегда «расписывается».

– Расписывается? – не поняла она. – Как?

– Отгрызает у жертвы часть тела. Прошлый раз отгрыз нос, вчера – мочку уха, а еще раньше сосок. Тем самым и дает знать о себе.

В отдел зашел мужчина, стал смотреть на полки с книгами. София подошла к нему:

– Вам помочь?

– Я сам, – грубо отказался тот.

Она вернулась к Артему, который тоже зачем-то изучал корешки, изображая покупателя, прислонилась спиной

к полкам.

– Как он ее убил? Я не рассмотрела вчера.

– Ножом. Ширина лезвия во всех случаях одинакова. И он успел вступить с ней в половую связь.

– Когда успел? – обалдела София. – Туда же могли войти!

– Ну и что? Приставил нож к ее горлу, она и не пикнула. Он сделал свое дело, проткнул ее ножом несколько раз...

– И откусил мочку уха? Тогда как же его не заметили? Он же должен был быть весь в крови.

Артем повернулся к ней и тоже прислонился к полкам, но плечом, заглянул в лицо:

– Помнишь, во что он был одет, когда забежал сюда? В темно-коричневый костюм и черный свитер. Эти цвета поглощают цвет крови. Да и вытерся он о штору.

– А отпечатки? На шторе и на выключателе?

– Молодец, грамотная, – с улыбкой похвалил Артем. – Нет отпечатков.

Кстати, улыбка у него хорошая – открытая, обаятельная. Люди часто не улыбаются, а кривятся, будто стесняются показать зубы, чего не скажешь об Артеме. Конечно, иметь такие зубы – один в один – не каждому повезло.

– Невидимка какой-то, – фыркнула она. – Ты думаешь, он не случайно оказался в том ресторане?

– Уверен.

– То есть он пришел туда из-за меня?

– Совершенно верно. Но не напал на тебя. Почему – не

знаю. Одно ясно: тебя он не выпускает из виду. Поэтому напоминаю: каждый твой шаг я должен знать, даже когда идешь в сортир.

София мяла пальцы. Ее и так после вчерашнего колотило, как после запоя, а тут Артем нагнал страху. Дрожь усилилась, голос дрогнул:

– Неужели его нельзя найти?

– Найти нельзя, можно только поймать, – ответил Артем.

– Это не одно и то же?

– Нет, разные вещи. По поимке маньяков четких инструкций не разработано, потому что у них один мотив: убить с особой жестокостью. А такой мотив не тащит за собой цепочку из причин и следствий. Как правило, маньяки не оставляют следов, появляются в непредсказуемых местах и умеют таять в воздухе, когда их случайно обнаруживают. Логика отсутствует, иначе нам не пришлось бы тратить столько времени и сил на поимку всего одного психа. А ты знаешь его в лицо! Такие преступники не оставляют свидетелей, он обязательно придет за тобой. Магазин закрывается, идем, отвечаю тебе.

Артем взял ее за плечи и подтолкнул к выходу, София отстранилась:

– Раз он следит за мной, то нам нельзя находиться вместе. Чудовище догадается, что меня охраняет милиция.

– Вот и пусть думает, как подобраться к тебе, – ухмыльнулся он. – Я ведь тоже знаю его в лицо, а у него явно че-

шутся руки на нас обоих. И если мы дадим ему понять, что между нами дружба, то, думаю, он поспешит расправиться с тобой, чтобы досадить мне.

Хорошенькая перспектива! Усевшись в автомобиль, София украдкой обводила глазами улицу. Неужели маньяк где-то рядом, видит сейчас ее и Артема? Что он думает? Что готовит ей? Где его ждать? И... Надо бы купить пистолет, хотя бы пневматический, все-таки защита.

– Не ищи его, не найдешь, – вставив ключ в зажигание, сказал Артем. – Кстати, ты обещала гулять по городу, а не гуляешь.

– Когда мне гулять? – пожалала она плечами.

– После работы. В перерыв. До работы можно пройтись пешком, желательно по закоулкам.

– Надо сказать мужу, иначе получится, как в ресторане...

– Не смей, – перебил Артем резко. – Ты что, не понимаешь? Мы ловим его на тебя. Понравится это твоему мужу? Он взбесится, чего доброго, наймет охрану, тогда тебе и придется каюк.

– А вы сумеете меня защитить?

Ого, какой выразительный взгляд бросил на нее Артем. Впрочем, у него и без дополнительных усилий глаза выразительные, как у всех черноглазых, на лице легко читаются мысли. А фразу процедил, будто отругал Софию:

– Я себя подставляю, но тебе умереть не дам.

София улыбнулась. Она уже не чувствовала к Артему

неприязни. Напротив, он казался ей симпатичным. К тому же она ни от кого не слышала ничего подобного. Приятно, когда ради тебя готовы совершить подвиг. Конечно, парню по службе положено бросаться на амбразуру, но разве так поступают все? И почему-то верилось, что Артем действительно загородит ее собой в случае угрозы.

Дома она удивилась, что плащ Бориса висит в прихожей. Хм, муж так рано никогда не возвращался. Сунув ноги в тапочки, София двинула искать его. Да так и застыла в дверях кабинета – Борька залез в ее личный ноутбук и читал... А что он там мог читать?

Конечно, ее роман

«На лестнице, ведущей на второй этаж, появилась величественная женщина в черном закрытом платье, с узким и непроницаемым лицом. Она была, бесспорно, красива, но очень давно, сейчас ее тонкие черты, обтянутые сухой кожей, обезобразили морщины. Черная дама взялась за перила одной рукой и спустилась всего на одну ступеньку, ее холодный взгляд скользнул по Сурову, задержался на Марго. Из полумрака наверху возникли еще две фигуры – мужские, они остановились за спиной дамы, которая отчеканила:

– По какому праву вы врываетесь в чужой дом?

Вот так прием! Голос отливал сталью, лицо ничего не вы-

ражало. Суров выступил вперед, намереваясь объяснить, но Марго сделала знак стеком – не стоит. Она вздернула подбородок и в духе черной дамы сказала:

– Даже нищему дают приют в эдакую погоду, сударыня. А мы не с большой дороги пожаловали в ваш дом. Неужели вы нас выставите под ливень?

Черную особу задели дерзкие слова, она смотрела на Марго свысока, поджав губы, и, очевидно, не знала, как поступить. Появилась третья фигура.

– Это графиня Ростовцева, – обойдя двоих мужчин и оставившись возле черной дамы, доложил де ла Гра, после спустился вниз. – Мое почтение, ваше сиятельство. Здесь не ждали гостей, посему не готовы...

– Де ла Гра! – прикрикнула на него черная дама, тот живо обернулся.

С минуту между нею и профессором шел молчаливый диалог, который Суров не смог расшифровать. А Марго казалось, будто она попала к разбойникам. Во всяком случае, в глазах дамы читалось желание убить ее, однако следующая фраза женщины прозвучала более гостеприимно:

– Предложите ее сиятельству кресло у камина, Оливье.

Профессор без заметной услужливости придвинул кресло к огню, слегка склонился, приглашая Марго. Та не двигалась, растерявшись:

– Я бы хотела знать, с кем имею честь...

– Герцогиня Лейхтенбергская, – представилась дама, после приподняла правую руку, но при том не обернулась, и представила мужчин: – Барон фон Бэр, мой брат. И мой племянник – баронет фон Левенвольде.

Оба мужчины, примерно одного возраста, выступили из тени и сделали одолжение – поклонились.

– Мое почтение, ваша светлость, – чуть присела Марго. – Мы просим извинить нас за вторжение...

– Пустое, – неучтиво прервала герцогиня. – Садитесь к огню.

Марго подумала, что при ее светлости сидеть нехорошо, раз она стоит, но, с другой стороны, герцогиня сама разрешила. Она села на край кресла, не зная, что говорить в такой нелюбезной обстановке. К ней подскочил лакей:

– Позвольте китель, ваше сиятельство, мы его утюжим-с...

Марго сняла с плеч мокрый китель, отдала, лакей убежал. Подполковник стал у кресла Марго будто стражник. Пауза. Три статуи находились наверху и смотрели вниз, будто ждали одного: когда же можно будет сказать «до свидания!». Ситуация просто выводила Марго из себя.

Наверху произошло оживление, нет, статуи не шелохнулись, но из-за них выпорхнула обворожительная девушка. В отличие от трех мумий... пожалуй, четырех, если считать и де ла Гра, который ничем не отличался от хозяев, девушка светилась приветливостью. Она остановилась рядом с герцо-

гиней и с интересом уставилась на Марго, широко раскрыв глаза. Ее светлость вынуждена была представить девушку:

– Моя дочь...

– Меня зовут Шарлотта, – поспешила сказать девушка, спускаясь вниз и тем как бы извиняясь за неучтивость матери. – Вы промокли... Не желаете ли чаю?

– Нет-нет, благодарю вас, – поспешно отказалась Марго. Чего доброго, яду подсыплют в чай.

– Что привело вас к нам, господа, в такое ненастье? – спросила Шарлотта.

Наконец-то появилась тема для беседы. А то Марго уже готовилась уйти с гордо поднятой головой, высказавшись в том смысле, что герцогине не пристало вести себя на манер неотесанной купчихи. Но! Следовало выполнить и просьбу брата, дабы очистить совесть.

– В воскресный день мы даем домашний спектакль в имении Озеркино, которое принадлежит моему брату графу Уварову. – Марго намеренно говорила, обращаясь исключительно к девушке, это была месть герцогине за неласковый прием. – Мы делаем визиты и приглашаем соседей, а нас застал дождь.

– Вы хотели и нас пригласить? – произнесла Шарлотта с робкой надеждой.

– Разумеется. Мы приглашаем ее светлость, барона, баронета, профессора и вас, мадемуазель Шарлотта. Спектакль начнем в девять вечера, когда стемнеет. Он состоится, ежели

не будет дождя. Вы принимаете приглашение?

– Конечно! – воскликнула Шарлотта. Повернувшись к матери, она помрачнела, но пообещала твердо: – Мы приедем.

– Кажется, гром больше не гремит, – поднялась Марго. – Нам пора. Благодарим за приют, ваша светлость.

А ее светлость как заморозилась! Марго поклонилась и вылетела на воздух, где, действительно, ливня уж не было, так, редкие капли срывались с неба. Лакей принес почти сухой китель, Суров настоял, чтобы Марго снова надела его, иначе замерзнет. Отъехав подальше, она дала себе волю:

– Нет, вы видели, Александр Иванович?! Я таких не встречала. Она разговаривала со мной будто с кухаркой! А я графиня, между прочим. И род Уваровых ведется от мурзы Минчака Косаевича, который выехал из Орды в Москву в начале пятнадцатого столетия! Хм, подумаешь, герцогиня! Да ей больше подходит надгробием быть! Лишний раз головой не кивнет, видно, боится, что отвалится. Никакого воспитания, учтивости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.